

КАРИНА ШНЕЛЛЬ

КОГДА
НАСТУПАЕТ

Ночь

18+

ИНОГДА НУЖНО КОГО-ТО ПОТЕРЯТЬ,
ЧТОБЫ НАЙТИ СЕБЯ.

Стихи любви

Стихии любви

Карина Шнелль

Когда наступает ночь

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Шнелль К.

Когда наступает ночь / К. Шнелль — «Эксмо», 2022 — (Стихии любви)

ISBN 978-5-04-199425-9

Долгожданный немецкий цикл Карины Шнелль «Стихии любви» состоит из трех книг: «Когда приходит шторм», «Когда наступает ночь», «Когда сталкиваются звезды». Эти истории любви на фоне невероятной природы не только увлекательны, но и полезны, потому что многие читатели увидят в главных героях себя. «Я всегда думал, что Лив – буря. Стихийное бедствие, сметающее все на своем пути. Но теперь я понимаю, что Лив – ночь. Моя личная ночь». У Уилла есть идеальный план. После окончания школы он хочет заняться семейным бизнесом и жениться на Лив. Но мечтам не суждено сбыться: Лив расстается с Уиллом и в одиночку отправляется в кругосветное путешествие. Четыре года спустя, когда разбитое сердце Уилла только начало заживать, Лив возвращается в родной Сент-Эндрюс. Повзрослевшая, с кучей интересных историй и... с новым парнем. Уилл чувствует: Лив не разлюбила его. Да и сама Лив очень скоро понимает, что ей не стоило уезжать от любимого. «Атмосфера маленького городка, неспешное повествование и яркие воспоминания героев делают эту историю любви по-настоящему глубокой». – Amazon

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-199425-9

© Шнелль К., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Раньше	7
Уилл	8
Лив	10
Уилл	12
Лив	14
Уилл	15
Лив	16
Уилл	20
После	21
1. Уилл	22
2. Лив	26
3. Уилл	31
4. Лив	35
5. Уилл	41
6. Лив	44
7. Уилл	46
8. Лив	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Карина Шнелль

Когда наступает ночь

Для тех, кто любит, несмотря на боль

В этих страданиях есть своя магия
Габриэль Аплин

Carina Schnell

WHEN THE NIGHT FALLS (Sommer in Kanada 2)

© 2022 Piper Verlag GmbH, München/Berlin

Cover design © FAVORITBUERO, München

© nblx / Shutterstock Landschaft Wald & See

© Sinisha Karich / Shutterstock Glitzer

© FAVORITBUERO, München Icon Blätter

© Ключак М., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Раньше

Я всегда думал, что Лив – буря. Стихийное бедствие, сметающее все на своем пути. Но теперь я понимаю, что Лив – ночь. Моя личная ночь.

Моя жизнь четко разделилась на время до Лив и время после нее.

***Раньше** она, как солнце, освещала мою жизнь. **После** не осталось ничего, кроме тьмы.*

Уилл

Я был готов.

Взглянув на себя в зеркало, я с удовлетворением поправил темно-синюю бабочку, расправил плечи и разгладил пиджак. Непривычно было видеть себя в костюме. Мне нечасто доводилось его надевать. Плечи стали казаться шире, ноги длиннее. Мои каштановые кудри были недавно подстрижены. Я стал выглядеть старше. Более зрело. Мне это нравилось. Сегодня вечером мне пригодится уверенность в себе.

Дорогая костюмная ткань холодила кожу. Но мне все равно было жарко, ладони вспотели больше часу назад, а в желудке неприятно давило. Кажется, уже в сотый раз я вытер ладони о дорогие брюки. Из зеркала на меня смотрел человек с темно-кариими глазами и щетиной, и я отправил ему подбадривающую, пусть и слегка кривоватую улыбку. «Ты справишься», – мысленно произнес я, подходя к лестнице. Несмотря на волнение, я шагал уверенно и пружинисто, старые ступени скрипели под моим весом. По всей лестнице были развешаны наши с сестрой детские снимки, свадебные фотографии мамы с папой и черно-белые портреты бабушек и дедушек.

Конечно, мама уже ждала меня в холле с высокими окнами и сверкающим паркетом. Она держала в руках папин старый фотоаппарат и улыбалась во все лицо.

– Только посмотри на себя. Ты так взросло выглядишь, Уилл!

– Ой, мам, прекрати, – отмахнулся я. Она без предупреждения щелкнула фотоаппаратом, и я заморгал от яркой вспышки.

Моя младшая сестра Эмилия театрально вздохнула, облокотившись на дверной проем столовой.

– Да уж, Джеймс Бонд для бедных.

Мама бросила на нее осуждающий взгляд.

– Костюм безумно дорогой, Эмми!

Эмилия извиняюще подняла руки, потом ладонью с накрашенными черным лаком ногтями откинула свои длинные каштановые волосы за плечи и закатила глаза. На прошлой неделе она сделала стрижку «андеркат»¹, что привело к крупной ссоре с родителями.

– Уильям! – крикнула мама в сторону гостиной. – Иди и посмотри на своего сына, прежде чем он уедет! – Папа пробурчал что-то неразборчиво. Он сидел за обеденным столом, склонившись над ноутбуком, и стучал по клавишам. Типичный вечер субботы.

– Все нормально, мам. – Мне не терпелось выйти из дома. Иначе я в любой момент мог лопнуть от предвкушения.

К моему удивлению, папа с красным лицом и глубокой бороздой между бровями подошел к нам. Он оглядел меня с ног до головы, коротко кивнул и собрался вернуться в гостиную.

– Стоять! – мама схватила его за предплечье и поставила рядом со мной. – Эмми, ты тоже! Подвиньтесь друг к другу... улыбочку!

Мама засняла, как мы скованно и на приличном расстоянии друг от друга стоим у основания лестницы. Кажется, я единственный на этом снимке улыбался. Мне было несложно, ведь уже несколько дней я просто не мог иначе. Уголки моего рта вопреки законам гравитации постоянно тянулись вверх.

Папа убежал обратно к ноутбуку, а Эмми протиснулась мимо меня вверх по лестнице.

Мама взглянула на нее и покачала головой.

¹ От англ. *undercut* – «срезанный низ». Коротко срезанные или выбритые волосы на затылочной и височной зонах с резким переходом к верхней части. (Здесь и далее прим. ред.)

– Когда она через пару лет будет собираться на свой выпускной бал, она порадуется, что у нее есть старший брат.

Я в этом сомневался, но все равно кивнул и улыбнулся маме.

Она подошла ко мне и поправила бабочку, хотя я только что это сделал. Она стряхнула невидимую ворсинку с моего плеча, отошла на шаг и начала разглядывать меня сверкающими глазами орехового цвета.

– *Bello mio*², – промурчала мама хриплым голосом и заправила выбившуюся темно-каштановую прядь обратно в пучок. Только мама знала, что я собирался сделать сегодня вечером. За исключением двух моих лучших друзей. Но у мамы не особо получалось скрывать свои эмоции. Это у меня от нее.

Я машинально засунул руку в карман брюк и уже в сотый раз за последний час ощупал маленькую, обитую бархатом коробочку.

– Она скажет «да», – прошептала мама и чмокнула меня в щеку.

Сердце забилось еще чаще, и мне показалось, что грудная клетка может лопнуть в любой момент. Мама поправила мне локон на лбу и пропустила к двери.

Новенькие, только что отполированные туфли громко стучали по паркету. Свежий весенний воздух ударил мне в лицо, когда я открыл дверь. Сегодня в воздухе появились первые летние нотки. У дома цвели тюльпаны и примулы, их аромат перемешивался с соленым морским бризом. Было еще не совсем темно, но я надеялся, что солнце поторопится зайти. Осуществить мой план можно было лишь под покровом ночи.

На ватных ногах я прошел через наш ухоженный сад, ненадолго закрыл глаза, чтобы послушать щебетание птиц и движение машин на далекой Уотер-стрит, подставил лицо последним лучам солнца. Идеальный вечер для идеального плана.

Я тихо вздохнул, и внезапно меня охватило желание как можно скорее выбежать из калитки к машине.

Дрожащими пальцами и с бешено стучающим сердцем я залез в серебристый пикап – подарок на окончание школы, который родители сделали заранее.

Я завел мотор и еще раз оглянулся. Конечно же, мама стояла в дверном проеме, чтобы меня проводить. Она положила одну руку на сердце и смотрела на меня полными слез глазами.

– Удачи, – одними губами произнесла мама. Уголки моего рта снова поползли вверх. Я опустил стекло, высунул руку из окна и помахал маме.

Словно по заказу, на радио заиграла песня Бруно Марса *Marry you*. Свадебные фанфары. У меня в животе заскребло, и я покрепче схватился за руль, задом выезжая из ворот.

Я был готов.

² Мой красавец, мой хороший (*ит.*).

Лив

Я танцевала по комнате под Дэвида Боуи. Босые ноги тонули в пушистом ковре, ногти на ногах я наредила серебряным лаком. Подпевая, я крутанулась вокруг своей оси и сдула со лба светлую прядь. Когда я в танце увидела свое отражение, оно мне очень понравилось. Большинство девочек в моем возрасте надело бы на выпускной пышное платье принцессы, но я предпочла облегающее платье с запахом из темно-синего бархата длиной до колена, превосходно подчеркивающее светлую кожу с веснушками. А еще я решила отказаться от каблучков, чтобы вдоволь натанцеваться сегодня ночью.

Потому что мне есть что отпраздновать.

Я взглянула на открытый конверт, лежавший на столе среди несметных пузырьков с лаком, упаковок жвачки и старых школьных учебников. Это было приглашение из Женевского университета на программу «Международные права человека». Уже несколько дней при мысли об этом мое сердце радостно подпрыгивало. Я все еще не могла поверить, что моя мечта сбылась. Что вскоре я наконец-то покину Сент-Эндрюс. Хотя семестр начинался лишь в сентябре, я уже была готова к встрече с Европой. Готова исчезнуть из этого захудалого сонного городка. Готова к своему будущему.

От одной лишь мысли о том, чтобы остаться здесь, на меня начали давить стены. Внезапно в уши ударила кровь, и я перестала слышать музыку. Грудная клетка сжалась, я стояла словно парализованная и пыталась сосредоточиться на дыхании. Положив обе руки на письменный стол, я закрыла глаза и пару секунд просто вдыхала и выдыхала.

В последнее время я стала экспертом по преодолению панических атак. Уже несколько месяцев я чувствовала себя запертой, я как будто жила в клетке, которая постоянно уменьшалась. Ощущение, что я не могу дышать, сопровождало меня постоянно. Поэтому, получив позавчера приглашение от швейцарского университета, я ни секунды не колебалась. Билет на самолет куплен. Я уже подала заявку на комнату в общежитии. Маршрут путешествия по Европе я составила много лет назад.

Я открыла глаза и начала разглядывать висящую над кроватью карту мира и отмеченные флажками места, где мне хотелось бы побывать. Чудеса света, которые ждали меня во внешнем мире. Постепенно парализующее чувство исчезло, и ему на смену пришло щекочущее предвкушение. Еще пять дней в этой клетке. Через пять дней наконец-то начнется настоящая жизнь.

Напевая себе под нос, я наредила губы помадой ягодного цвета и взлохматила длинные светлые локоны, которые были еще слегка влажными после душа. Последний раз бросив взгляд на письмо, я поспешила к выходу. Ноги все еще плохо слушались, но я сбросила дискомфорт, как змея старую кожу. Мне больше не о чем переживать.

Спускаясь по лестнице, я увидела, что дома все еще темно. Родители уехали на какую-то выставку в Сент-Джонсе. Конечно, это же важнее выпускного дочери. Как можно сравнивать окончание школы и радость от общения с искусством? Такие мысли больше не причиняли мне боли, как раньше, когда я была маленькой. Я уже давно привыкла справляться со всем в одиночку.

Я торопливо и на ощупь побрела по темному коридору. Под босыми ногами скрипел паркет. Вечернего солнца хватило, чтобы нащупать обувь, не включая свет. Для этого вечера я выбрала серебрястые босоножки с ремешком на невысоком, но устойчивом каблучке, чтобы танцевать всю ночь. Я радовалась возможности провести последний вечер перед отъездом в Европу со своими лучшими друзьями. Дурачиться с Джеком, устроить танцевальный баттл с Блейком и украдкой пить из фляжки, которую Фиона протащит мимо охранников.

А еще Уилл. Мы наверняка в какой-то момент исчезли бы с танцпола, чтобы в последний раз пообниматься в пустых коридорах школы. Я не знала наверняка, как он воспримет мой отъезд, но мне уже не терпелось рассказать друзьям о большом приключении. Этот разговор я решила оставить на сегодня. Если уж праздновать окончание эры, то можно выпить и за начало новой.

Я быстро взглянула на настенные часы в гостиной. Черт, опаздываю! Уилл попросил подойти за спортивный зал к восьми часам. Он всегда был пунктуальным, и в этот раз мне хотелось сделать ему приятное и тоже приехать вовремя. Я торопливо схватила сумку со старой банкетки у входа и вылетела на свежий воздух.

Захлопнув дверь, я внимательно закрыла замок на два оборота. У меня с первого класса был свой ключ. Яичницу и макароны я научилась готовить в четыре года. Пришлось рано стать самостоятельной, чтобы выжить в доме, где искусство стоит превыше всего. Где оно важнее малышки со светлыми косичками, которая больше всего на свете мечтает погулять с родителями в выходной, а на школьной перемене вместе с другими детьми ест принесенные из дома бутерброды.

По дороге к машине я подмигнула соседке, которая на поводке выгуливала свою кошечку Принцессу Пуррфект мимо нашего дома.

– Повеселись как следует, деточка! – крикнула она мне с многозначительной улыбкой.

– Спасибо, миссис Кроуфорд! Хорошего вечера!

Конечно же, весь город знал, что сегодня выпускной. В Сент-Эндрюсе все знали обо всем – даже о вещах, которые вообще-то никого не касаются. И вот она вернулась, свинцовая тяжесть, сковавшая грудь. Я положила руку на сердце и, споткнувшись на неровной брусчатке, чуть не упала. Кряхтя, я сосредоточилась на своих шагах и серебристых ногтях, торчащих из босоножек.

Осталось немного, напомнила я себе. Скоро ты будешь свободна.

При мысли о том, что через несколько дней я буду жить в большом городе, где никто не обратит на меня внимания, где я растворюсь в цветах и ароматах, начну новую жизнь и стану той, кем я всегда хотела стать, у меня закружилась голова от счастья.

Дойдя до машины, я уже дышала спокойно. Я несколько раз подергала дверь своего ярко-желтого жука по имени «Вавочка», предшественника модели «Фольксваген-жук». Эта древняя колымага до сих пор держалась на ходу лишь каким-то чудом, но я любила своего жучка глубокой и искренней любовью. Помимо друзей и бабули, «Вавочка» был одной из немногих вещей, которых мне будет не хватать.

Когда мне наконец-то удалось открыть дверь, я с облегчением выдохнула. Иногда ключ застревал в заржавевшем замке, так что достать его удавалось только при помощи смазки или сливочного масла. Тогда бы я точно опоздала.

В машине меня встретила гора пестрых упаковок от «Хуба-Бубы» на пассажирском кресле и едкий дынный запах моей любимой жвачки. На заднем сиденье лежала стопка книжек – в основном феминистские тексты и произведения Джейн Остен и Вирджинии Вулф.

Я засунула в рот жвачку и проверила помаду в зеркале заднего вида. На секунду остановилась и заглянула прямо в свои зеленые глаза. Они искрились надеждой. «*Скоро!* – казалось, шептали они. – *Скоро у тебя начнется настоящая жизнь*».

Широко улыбаясь и чувствуя, как в животе пляшет тысяча светлячков, я завела тарахтящий мотор. В мягком свете заходящего солнца я ехала по темнеющим улицам Сент-Эндрюса в сторону школы.

В последний раз.

Уилл

Я припарковался за спортивным залом, где проходил выпускной. Из здания гремела музыка. Первые гости уже стекались в зал через главный вход на другой стороне. Лив не захотела, чтобы я заезжал за ней в этот вечер, и предложила встретиться уже на празднике. Сегодня это было очень кстати: у меня появилось время все подготовить. Да мне и не хотелось бороться с ее стремлением к свободе и самоопределению. Это было одной из тех вещей, которые мне в ней очень нравились.

Джек и Блейк, мои самые давние друзья, уже ждали на широком газоне между спортивным залом и футбольным полем. Здесь было тише, музыку почти не слышно, и ни одна живая душа нас сегодня здесь не потревожила бы. Вот почему я выбрал это место. А еще потому, что мы с Лив частенько встречались тут тайком во время перемены. Не очень далеко от школьного двора, но достаточно далеко, чтобы уединиться. Ей нравилась здешняя тишина, которую нарушало только пение птиц на деревьях.

Подходя, я словно трофеем поднял над головой набитую спортивную сумку. Джек и Блейк хором заулюлюкали.

– Ты как, дружище? – Джек похлопал меня по спине. – Готов?

– Всегда готов! – ответил я с ухмылкой.

– Это будет эпически. – Блейк протянул мне сжатый кулак, и я отбил его приветствие. Его пальцы цвета умбры составляли разительный контраст с моей бледно-розовой кожей.

Дрожь в животе усилилась, когда я поставил на пол сумку и открыл молнию. В сумке лежали сорок стеклянных баночек с чайными свечами внутри, которые мы собрались в форме сердца расставить под любимым деревом Лив.

Я быстро взглянул на часы.

– Нужно торопиться. Я попросил Лив прийти сюда к восьми.

В отличном настроении мы начали расставлять свечи. С каждой секундой мое сердце начинало биться все чаще, и в какой-то момент я чуть не свалился в обморок от волнения. Я с трудом воспринимал шутки Блейка и мудрые советы Джека. Но я все равно был рад, что сегодня вечером они пришли меня поддержать.

Когда мы зажгли все свечи, я сделал шаг назад, чтобы полюбоваться нашей работой.

– Спасибо, ребята! – взволнованно пробормотал я. – Получилось очень красиво!

Я часто-часто заморгал, чтобы удержать подступившую слезу, и мысленно проклял свою сентиментальность. Но, кажется, эти двое ничего не заметили. На прощание они похлопали меня по плечу.

– Удачи! – Джек провел рукой по золотисто-русые волосы. – Но я не думаю, что она тебе понадобится. Вы с Лив созданы друг для друга.

Я благодарно улыбнулся друзьям и смотрел им вслед, пока они возвращались в спортивный зал.

Затем я развернулся к горящему сердцу. Мерцающее пламя напомнило мне о Лив. Напомнило огонь, горящий в ее зеленых глазах. Ее улыбку – всегда естественную и настоящую. И россыпь веснушек на лице, которые я вечно пытался сосчитать, хоть это и было невозможно – на ее лице постоянно появлялись новые. Мы уже долго были вместе. Еще ни одного человека я не знал так хорошо, как ее, и никто не знал меня так хорошо, как она. Я с улыбкой вспомнил, как в седьмом классе на дне рождения Фионы спросил ее, будет ли она моей девушкой. Уже тогда я знал, что она женщина моей мечты. Единственная, которую я когда-либо любил и смогу полюбить. Она нахально откусила кусок от моего маффина и шоколадными губами произнесла «да».

Надеюсь, сегодня она скажет то же самое.

Я быстро провел ладонью по лицу. *Не надо сентиментальностей. У тебя еще будет время на слезы.*

Чтобы отвлечься, я достал из кармана телефон и сделал фото пламенного сердца. Без пяти восемь.

Через пять минут моя жизнь навсегда изменится. В сотый раз я вытер влажную ладонь о брюки и уставился туда, откуда в любую секунду может прийти Лив.

Лив

Я еще издалека увидела мерцающее пламя свечей в траве. За спортивным залом был небольшой холмик, а там... горело огромное сердце. Губы сами собой растянулись в улыбке. Конечно же, Уилл, заядлый романтик, приготовил сюрприз в честь нашего выпускного.

Он стоял перед горящими свечами и выглядел сногшибательно. Его кудрявые каштановые волосы взлохматил легкий бриз. Уилл был одет в элегантный черный костюм безупречного кроя. Как всегда в минуты волнения, он тер щетину, которая появилась у него в шестнадцать лет, единственного из парней нашей школы. Светлая кожа на щеках слегка зарумянилась. Темно-карие глаза буквально загорелись, когда он меня увидел.

– Лив, ты выглядишь потрясающе!

– А ты, я смотрю, принарядился, – я поцеловала его в губы и крепко обняла.

Он опустил подбородок мне на голову и не отпускал несколько секунд. Я почувствовала свежий запах моря и ветра. Мне казалось, или он слегка дрожал? Когда он опустил на меня взгляд, я чуть не утонула в глубине его глаз.

– Как красиво, – нежно прошептала я прямо у его губ. – Ты подготовил это специально для меня?

Он кивнул. Я с улыбкой провела ладонью по колючей щетине и с легким стоном вздохнула. Еще одна вещь, по которой я буду скучать.

– Ты хочешь, чтобы наш выпускной стал незабываемым, да?

Он тихо усмехнулся, его грудь вздрогнула у меня под пальцами.

– Можно и так сказать, да. – Он отошел на один шаг и поднял с пола красную розу. – Она тоже для тебя.

– Ой, спасибо! – польщенная, я приняла розу и изобразила книксен. – Ты прямо всю душу в это вложил.

Уилл смущенно улыбнулся и засунул правую руку в карман брюк.

– Очень подходящая атмосфера, – продолжила я. – Ведь мне нужно обсудить с тобой кое-что важное.

– Правда? – он удивленно высунул руку из кармана. – Мне тоже нужно обсудить с тобой кое-что важное.

– Хорошо, – ухмыльнулась я. – Ты первый!

Он снова засунул руку в карман. Это что, его новая фишка?

Я поднесла розу к лицу и вдохнула. Ее насыщенный аромат помутил мой рассудок. Когда я пришла в себя, Уилл стоял еще ближе. Так близко, что я вновь вдохнула знакомый аромат и тут же захотела его поцеловать.

Но внезапно Уилл встал передо мной на колени и мир перевернулся.

Уилл

Я встал на колени перед девушкой своей мечты и протянул ей элегантно украшенную коробочку. Я щелчком открыл ее, чтобы Лив смогла увидеть золотое кольцо.

Она прикрыла рот ладонью. Именно на эту реакцию я и рассчитывал.

У меня пересохло во рту, язык потяжелел. Я попытался стряхнуть с себя волнение и посмотрел на Лив.

– Лив, мы вместе уже пять лет, я влюблен в тебя еще дольше. Я не могу себе представить жизнь с кем-то другим. Только с тобой. Всегда с тобой, – я кашлянул. – Я знаю, что мы еще молоды, но когда знаешь, то знаешь наверняка. Поэтому ты сделаешь меня самым счастливым мужчиной на свете, если сегодня скажешь «да». Мне. И нашему будущему.

Я сделал короткую паузу и вложил в следующее предложение всю свою любовь:

– Ты выйдешь за меня?

Я с надеждой заглянул в наполненные слезами глаза Лив. И эту реакцию я тоже предугадал. На этот случай у меня в кармане пиджака были припасены носовые платочки.

Лив все еще молчала, ее взгляд метался между мной и кольцом, словно она подбирала нужные слова. Я смотрел на Лив сияющими глазами, мое сердце лопалось от любви.

Лив округлила глаза, ее нижняя губа задрожала.

– Уилл, я... – она положила ладонь на коробочку и закрыла ее.

Я оцепенел.

– Лив? Что ты делаешь?! – на такое я однозначно не рассчитывал.

Она положила ладонь на мою ладонь с коробочкой.

– Это все слишком быстро, – беззвучно выдавила она из себя. – Я... я не могу выйти за тебя замуж, Уилл.

– Что?! Ничего не понимаю. – Такое чувство, что она пнула меня в живот и сбила с ног.

– Я не могу за тебя выйти, – повторила она. – Потому что через пять дней улетаю в Европу.

Земля разверзлась у меня под ногами, и я полетел в бездну.

Лив

– Но... Лив... – Уилл убрал свою ладонь с моей. Я слишком сильно сжала его пальцы. Он сделал шаг назад и недоуменно наморщил лоб. – Погоди, что?!

Мое сердце забилося так часто, что стало больно. Этот вечер, этот момент... все было так неправильно. Так не похоже на картину, которую я себе нарисовала.

– В каком смысле улетаешь в Европу? – обычно глубокий, бархатный голос Уилла сейчас звучал неожиданно резко.

– Вчера пришло приглашение из Женевского университета...

Он округлил глаза.

– Я хотела немного попутешествовать до начала семестра. Билет на самолет я уже купила.

Он смотрел на меня так недоуменно, будто я говорила на иностранном языке.

– Но... но...

– Я же тебе говорила, что подала документы в европейские вузы, – робко пробормотала я.

– Да, но я не думал, что...

– Не думал, что меня возьмут?! – я удивленно заморгала, поняв, что он имеет в виду. – Ну спасибо, что ты так сильно в меня верил!

Он покачал головой, словно не в силах переварить случившееся.

– Ты даже не останешься на вручение аттестатов?

– Я все узнала. Директор Таннер сказал, что аттестат могут прислать по почте.

Плечи Уилла опустились, словно на них начал давить невидимый груз.

– Но у меня был план... – В глазах была такая боль, что мне захотелось прижать его к себе. Одновременно с этим мне совсем не понравилось то, что он сказал. У него всегда был какой-то план. Даже этот вечер был расписан по минутам. Он не оставлял пространства для маневра. И уж точно не допускал отклонений от своих идеальных планов.

– Я не говорю, что никогда не захочу выйти за тебя, – поспешно добавила я. – Просто сейчас пока не готова. Мы только окончили школу. Мне хочется так много сделать, прежде чем я здесь про... – Я прикусила язык.

Уилл сдвинул брови.

– Скажи это вслух! – произнес он резким тоном. – Прежде чем ты здесь протухнешь. Ты ведь так считаешь?

– Это не... Я не это имела в виду. Уилл, ты ведь знаешь, как я мечтаю посмотреть мир. Я не хочу всю жизнь торчать в Сент-Эндрюсе!

– Да, но я думал... – он беспомощно всплеснул руками. – Я думал, у нас на это будет вся жизнь. Мир ведь никуда не убежит.

Я вздохнула.

– Сент-Эндрюс тоже.

Он отпрянул, словно я его ударила.

– А я? – спросил он резким голосом. – Что со мной? Мне просто сидеть и ждать, пока ты нагуляешься?! Или годами поддерживать отношения на расстоянии?

Я удрученно уставилась в пол. *Tina того*, едва не сорвалось с моих губ, но я вновь прикусила язык.

– Ну... я думала, мы можем хотя бы попытаться...

– Bravo, Лив, просто bravo! Это даже для тебя зашкаливающий уровень эгоизма... Просто не понимаю. – Его слова меня серьезно заделали. Я постепенно начала приходить в ярость.

Он развернулся и начал агрессивно шагать туда-сюда.

– У меня был план, Лив. Я начинаю управлять семейным бизнесом, как хотел папа. Мы пару лет копим, покупаем красивый дом. Может, заводим собаку. Мы могли бы стать такими счастливыми, если бы ты не...

– Если бы я что?!

– Если бы ты все не разрушила.

– Да неужели! А что насчет *моих* планов?! Насчет *моих* мечт? Ты хоть подумал обо *мне*, когда представлял себе *наше* будущее?

Он встал как вкопанный и уставился на меня.

– И как я только мог вообразить, что твои планы и мечты на будущее совпадают с моими?! Теперь я понимаю, как ошибался, – его голос был пропитан сарказмом. – Мы ведь просто счастливо провели пять лет вместе.

– Уилл, это нечестно, – я пыталась унять закипавшую во мне ярость.

– Ах так? Мы заговорили о честности?! А честно было ждать до последнего, чтобы рассказать о поступлении в Швейцарию? А то, что ты *вообще* не включила меня в свои планы на будущее?

– Я включила тебя в свои планы. Ты ведь знал, что я подала туда документы. Я хочу быть с тобой, Уилл!

Он фыркнул и снова зашагал туда-сюда.

– Как ты себе это представляешь, если нас будут разделять тысячи километров? К тому же разница во времени. Я не могу поехать с тобой в Европу, Лив. Я не могу подвести папу. С понедельника я начинаю работать в компании на полную ставку. Он хочет подготовить меня к тому, что через пару лет я стану руководителем. Это огромная ответственность!

– Ага, ответственность, которую навешивает на тебя твой папа. Только не делай вид, что управлять семейной фирмой – мечта всей твоей жизни! – Мы снова вернулись к любимой теме, которая все эти годы была единственным камнем преткновения.

– Иногда нужно идти на жертвы ради тех, кого любишь, – выпалил Уилл. – Но тебе это явно незнакомо.

Его слова ударили мне в самое сердце. Они ранили. По-настоящему.

– А как же старая поговорка о том, что нужно отпускать тех, кого любишь, и если это настоящая любовь, то они обязательно к тебе вернуться? – с трудом произнесла я. У меня жгло горло, но слезы не шли. Я была слишком рассержена.

Уилл замедлил шаг и остановился, обреченно повесив голову.

– То есть ты никогда и не планировала продолжать отношения, пока учишься за границей. Признайся, Лив. Ты просто хочешь свалить отсюда любой ценой. Ты думаешь только о себе.

Глаза защипало, я сжала свободную руку в кулак и вцепилась ногтями в ладонь.

– Ты обвиняешь меня в том, что я думаю только о себе?! Тебе не кажется, что ты сейчас тоже ведешь себя как последний эгоист? Ты не можешь привязать меня к себе кольцом, чтобы я никогда от тебя не ушла. Это так не работает, Уилл.

Он удивленно вскинул брови, но тут же собрался, и его лицо приняло сердитое выражение.

– Привязать? Не думал, что мысль о семье со мной тебе настолько невыносима.

– Я не это имела в... – я рассерженно схватила ртом воздух. – Если у тебя сложилось обо мне такое мнение, я не стану тебя переубеждать.

Он усмехнулся. Надменно и разочарованно.

– Лив, я понимаю, что начало нового этапа страшит. Никто не знает, что будет после школы. И это нормально. У всех так. Но едва ты сталкиваешься с минимальными трудностями, то сразу от них бежишь. Мы справились бы со всем вместе. Мы могли бы построить счастливую жизнь.

Я грустно покачала головой. Уилл меня не понял. Да и разве он мог? Он никогда не чувствовал себя в тюрьме, абсолютно не на своем месте. Как я. Каждый божий день. Жизнь Уилла с самого детского сада была предопределена, и он никогда с этим не спорил. Просто принимал как данность. Как свое обязательство. Он жил в золотой клетке и даже не замечал этого.

– Я хочу выбраться отсюда, Уилл, – протянула я умоляюще. – Я хочу увидеть, что приготовил для меня внешний мир. Иначе я никогда себе этого не прошу.

Он подавленно кивнул, устало провел ладонью по лицу.

– Ну так иди, Лив. Никто тебя не держит. Я не могу тебя заставить, если ты не хочешь здесь оставаться. Но не думай, что я буду тут сидеть и годами ждать твоего возвращения.

Он что, меня бросает? Это ультиматум? Он или Европа?

Какое-то время я просто стояла, жадно впитывая его взгляд. Он опустил глаза, все еще сжимая проклятую коробочку в руке.

У меня задрожала нижняя губа. И как он мог подумать, что я отвечу «да»?! С чего он взял, что сейчас подходящее время? Мне было больно видеть, что он полностью раздавлен. Больно осознавать, что страдает он по моей вине. Но потребность вырваться отсюда оказалась сильнее. Я понимала, что если не сделаю этого сейчас, то меня засосет в это болото. Как наших родителей, а до этого их родителей. И тогда со мной никогда уже не случится чего-то интересного. В восемнадцать лет выйти замуж, в двадцать забеременеть, купить дом с садиком и завести собаку. Абсолютно мещанская жизнь, все как у людей. Мой личный кошмар. Меня бросало в дрожь при одной лишь мысли о такой жизни. Я видела Уилла в своем будущем, но точно не так. Не на этих условиях. *Его* условиях. Хотя бы здесь он предоставил мне свободу выбора. И я свой выбор сделала.

Я запомнила его лицо. Каждую черточку, каждый локон, изгиб его губ, широкие плечи и большие руки. Затем я с шумом выдохнула и с дрожью в голосе произнесла:

– Прощай, Уилл.

Я побежала прочь, каблуки вязли во влажной траве. Лицо застилали слезы.

Этот вечер – и последующие дни – я представляла себе совсем иначе. Я была уверена, что мы как следует простимся и отлично проведем оставшееся время. Потом Уилл отвез бы меня в аэропорт, возле выхода на посадку помахал бы мне вслед, мы оба пустили бы слезу. Потом мы бы общались по скайпу, на каникулах ездили бы друг к другу в гости. Я всегда мечтала поехать по Европе с Уиллом. Он об этом знал. Но один удар – и все мечты превратились в пыль. Нет, не так: моя мечта с громким треском раскололась на тысячи кусочков.

Я дошла до машины, дернула на себя дверь и с громким всхлипом шлепнулась на сиденье.

И тут до меня дошло, что все это время я держала в руках розу от Уилла. Словно обжегшись, я с силой засунула ее в держатель на панели передач. Стебель сломался. Роза обвисла, казалась разломленной. Прямо как мое сердце.

От этой мысли у меня заболело в груди. Рыдания сотрясали все тело. Это не должно было закончиться так. «Мы» не должны были закончиться так.

Возможно, еще не слишком поздно. Возможно, я могла бы утром еще раз попытаться поговорить с Уиллом. Попросить прощения и еще раз объяснить, что я была *вынуждена* так поступить. Что у меня не было выхода. Возможно, он бы понял. И простил меня.

Но в глубине души я понимала, что это невозможно. Слова, которые мы сегодня друг другу наговорили, невозможно взять назад. Я ответила отказом на его предложение. Такого не выдержали бы даже самые прочные отношения.

Я все испортила. По-настоящему. Теперь мне не осталось ничего, кроме побега. В другую страну. В новую жизнь. На меня так сильно накатило отчаяние в сочетании с муками совести, что стало трудно дышать. Я закряхтела, положила руку на сердце. Сил хватило лишь на то,

чтобы взять с сиденья телефон и отправить Уиллу последнее сообщение. После этого я уронила телефон на колени и опустила голову на руль.

Обхватив себя руками, я дала волю слезам, которые смыли старую жизнь, словно долгожданный ливень после жаркого лета.

Уилл

Пока я провожал взглядом убегающую Лив, до ушей начала доноситься музыка из спортивного зала. Мощные басы сотрясали пол.

Певица жаловалась на своего любимого. Она пела о том, как гаснет без него. Именно так я чувствовал себя в этот момент. Как будто я исчезаю. Как будто ветер разносит меня по частям, пока ничего не останется. Никакой боли, парализующей все тело. Боль переполняла настолько, что я не мог стоять на ногах. Я упал на траву и смотрел вслед Лив, хотя уже давно ее не видел.

Я стоял на коленях, роса на траве проникала сквозь ткань брюк, а свечи за спиной гасли одна за другой.

В груди образовалась дыра, и она начала расширяться, наполняя тело вязкой, тяжелой чернотой. Я задрожал, не чувствуя ничего, кроме этой боли. Было так легко в нее провалиться. Но мне нельзя сдаваться. Я не должен был дать Лив так просто уйти. Я понимал, что она заберет с собой мое сердце. Если мне уже сейчас стало так больно, то что же будет, когда я не смогу видеть ее каждый день? Когда я больше не буду слышать ее пения? Не смогу взглянуть в зеленые глаза, которые всегда становились ярче при взгляде на меня. Не смогу ей сказать, что я люблю. Так сильно.

Взгляд упал на коробочку в руке. Я прижал ее к груди. Уверенно и решительно.

Завтра я пойду к Лив. Попробую еще раз спокойно с ней поговорить. Убедить ее в том, что ее место здесь. В Сент-Эндрюсе. Со мной.

Я не должен ее потерять. Возможно, завтра она осознает, какую совершила ошибку.

В кармане завибрировал телефон. Я вытащил его. На экране высветилось сообщение.

Прости, Уилл. Возможно, так будет лучше.

Я схватил ртом воздух. Перед глазами все поплыло, я больше не разбирал слов. Но они уже были выжжены у меня на сердце.

Возможно, так будет лучше.

Когда до меня дошло это осознание, я издал мученический стон. Лив уже давно со всем попрощалась. С Сент-Эндрюсом. С нашими друзьями. Со своей семьей. И со мной.

Я уже давно ее потерял.

Передо мной зазияла черная, бездонная пропасть. Она звала меня, влекла, обещала смягчить мою боль. Я закрыл глаза, почувствовал, как слезы бегут по щекам и каплями падают на белую рубашку. Я позволил себе упасть, отдался во власть бездны, и она поглотила меня без остатка.

После

Четыре года спустя

Некоторые ошибки люди совершают, сами того не замечая.

Человек осознает их, лишь когда становится слишком поздно. И потом всю жизнь о них жалеет.

Для меня такой ошибкой стал Уилл.

1. Уилл

Я торопливо включил радио, не дав телефону подключиться к машине по *Bluetooth*.

В те дни, когда я был настолько же взвинчен, как сейчас, плейлист становился опасным. Все любимые песни сегодня напоминали о ней. Мы слушали их вместе: у костра, на катере или во время первого раза. А еще я слушал их один, когда она меня покинула. Сначала я слушал их, упиваясь муками безответной любви и жалостью к себе, а потом для того, чтобы заглушить боль. А еще из-за злости на нее. Так появилась пестрая подборка песен, которые много для меня значили и которые помогли мне пройти через худшее время моей жизни. Но сейчас каждая песня представляла собой опасность вернуться к старой модели поведения и начать беречь едва затянувшиеся раны. Этого ни в коем случае нельзя было допустить.

Я четыре года повсюду слышал то, что напоминало мне о ней. По телевизору, радио или в разговорах с незнакомцами. Всё, буквально всё могло одним ударом отправить меня в прошлое. В темноту, которая слишком долго держала меня в своем плену. Последнее время такое случалось реже, но я уже был сыт по горло.

На радио словно услышали мои мысли, и тут из колонок заревела песня *Maroon 5*. Адам Левин пел про воспоминания о лучших временах, и мне захотелось его придушить. Текст песни бил в самое сердце.

– Да уж, чудесно, – проворчал я и выключил радио. Ну что ж, поеду в тишине. Но и она была мне не мила, потому что мысли зазвучали еще громче.

Сегодня тот самый день. День, когда все изменится и одновременно останется как прежде. День, когда моя жизнь, четыре года спустя, вновь пойдет под откос. Готов ли я? Нет. Можно ли вообще к такому подготовиться? Вряд ли.

Я со вздохом ехал дальше, едва следя за дорогой, на мое счастье, пустой. В голове крутилось слишком много вопросов. Что Лив здесь забыла? Зачем она вернулась? Она тут останется? Надолго? Но ответов придется подождать до вечера.

Когда я остановился перед многоквартирным домом, где жил Блейк, он уже встречал меня у дверей, одетый в джинсы и бейсбольное джерси. Распахнув дверь, он прыгнул на пассажирское сиденье. Тяжелая травма колена была практически незаметна.

– Здорово, дружище!

– Привет. – Я пожал протянутую руку, и мы поехали дальше.

– Спасибо, что подвоозишь.

– Не за что. Джек приедет сразу на пляж?

– Ага.

Мы замолчали. Из-за отсутствия музыки тишина казалась особенно звенящей. Блейк взглянул на радио, потом на меня и почесал голову с идеально ровным черным ежиком.

Молчи, молчи, молчи, – мысленно взмолился я.

– Ты смотрел игру «Лейкерс»? – спросил Блейк. – Полный провал!

Я внутренне выдохнул.

– Не смотрел, пришлось вчера задержаться в офисе. Бухгалтерия, отчеты и все такое.

– Боже, ну и скука. – Блейк притворно зевнул. – Когда ты успел превратиться в старика?

Я засмеялся.

– Да я же все время им был! – Блейк называл меня так с начальной школы.

– Это точно! – Блейк усмехнулся и откинулся на спинку кресла. Взгляд его карих глаз вновь направился на радио. Мне пришлось срочно выдумывать новую тему для разговора. Но Блейк меня опередил.

– А вообще... – начал он осторожно. – У тебя все нормально?

Я рывком кивнул и прикусил щеку изнутри, чтобы не заорать.

– Я спросил, потому что сегодня вечером...

– Да-да, я понял! – простонал я. – Вы четыре года носились со мной как с сырым яйцом, а сегодня моя, так сказать, скорлупа хрупка как никогда. Но можно, пожалуйста, не обращать внимания на очевидные вещи и просто насладиться вечеринкой? Как каждый год?

– Ну ладно... – Блейк на секунду умолк, а потом чересчур громко откашлялся. – Тогда держись сегодня подальше от огня. А то получится яичница.

Я повернул голову в его сторону. Уголки губ Блейка поднялись, а потом пухлые губы сложились в ухмылку, обнажая белоснежные зубы. Он что, только что придумал худшую шутку века?!

Я непроизвольно усмехнулся. Пытаясь сдержать подступающий смешок, я провел рукой по щетине, но через секунду зашелся от смеха. Мы хохотали так, словно Тревор Ноа выдал свою лучшую шутку о Дональде Трампе³. Шутка Блейка была такой нелепой. Освобождающей. Мне стало очень хорошо. То, что надо.

– Спасибо, чувак! – прохрипел я, когда отошел от смеха.

Блейк вытер выступившую от смеха слезу и подмигнул.

– Все для тебя, бро.

Зарыв босые пальцы ног в песок на пляже, я с наслаждением вздохнул. Я смотрел, как ветер колышет море. Этот вид всегда меня успокаивал. Бриз принес прохладную морскую пену. Вот оно – чувство дома. Это и многое другое. Я никогда не понимал, как Лив могла от всего этого отказаться.

Мы с Блейком отправились в ближайший лесок искать дрова. Большие поленья мы штабелями сложили друг на друга. Чем выше становилась поленница, тем сильнее я ощущал радостное предвкушение в животе – или я путал это чувство с нервозностью?

Вечеринка накануне Дня Канады была одной из самых любимых традиций Сент-Эндриуса. Вместе с Джеком и Блейком мы организовывали ее уже несколько лет. Почти все ровесники, покинувшие наш заспанный прибрежный городишко после школы, на первое июля при-

³ Тревор Ноа – ведущий юмористической передачи The Daily Show, обратил внимание на то, что торт на инаугурации Дональда Трампа был фальшивым. Комик продемонстрировал тот самый десерт в студии. Помимо этого, ведущий высмеял тот факт, что этот торт является точной копией торта с инаугурации Обамы в 2013 году.

езжали домой, и мы встречались всей компанией. Было очень интересно посмотреть, как сложилась жизнь ребят из школы после выпускного. Кто-то женился, кто-то нашел хорошую работу, кто-то уехал жить за границу, а у кого-то уже появились дети. Но в этом году все по-другому. Потому что приглашены не только старые друзья и ребята из футбольной и хоккейной команд, но и девушка, которая разбила мне сердце. За последние четыре года мы виделись мельком всего пару раз. На чужих вечеринках или издалека на улице. Не лично. Неприятно. Невероятно обескураживающе.

Но сегодня она должна прийти на мою вечеринку. Я сохраню спокойствие, не показывая ей, что для меня значит эта встреча после стольких лет.

По крайней мере, я старался себя в этом убедить.

Синий пикап Джека свернул на парковку рядом с пляжем. Сразу после этого из открытой двери вырвалась шаровая молния карамельного цвета. Реджи, пес Джека.

Я держался несколько в стороне, обшаривая пляж в поисках коряг, так что Реджи начал с того, что сбил с ног Блейка. Человек и собака боролись на песке, а я тащил к поленнице огромный кусок дерева. С каждым шагом мои босые ноги все сильнее увязали в нагретом солнцем песке.

– Привет, народ! – Джейк, как и договаривались, привез напитки и теперь выставлял их рядом с местом для костра. Блейк высвободился от бурных проявлений привязанности Реджи и бросил золотистому ретриверу палку, за которой тот погнался с веселым лаем. Вернувшись к ребятам, я услышал, как Блейк поддразнивает Джека за то, что тот купил вишневую колу для новой зазнобы. Ее звали Марли, она приехала из Торонто и по-настоящему вскружила ему голову. Джек этого, правда, еще не понял. Серьезные отношения вместо привычного необременительного секса с туристками пойдут ему только на пользу. Блейк и Джек не уступали друг другу в любовных победах.

Я стоял возле поленницы с поленом в руке, и тут сзади подскочил Реджи.

– Привет, хулиган! – я приветственно погладил его по голове. Он облизал мне ладонь, и я дал ему понюхать кусок дерева. Я развернулся к Джеку.

– Неужели с тобой действительно произошла перемена? – я ободряюще похлопал его по плечу. – Не помню, чтобы ты хоть раз был так внимателен ради девушки.

– Слушайте, может, хватит раздувать из мухи слона? – он вскинул руки в воздух. – Да, я купил вишневую колу. Да, так совпало, что это любимый напиток Марли.

– Так совпало? – вскрикнули мы с Блейком одновременно и тут же разразились громким хохотом. Я обрадовался, что мы нашли другую тему для разговора помимо Лив. Никаких сочувствующих взглядов. Никакого осторожного хождения вокруг да около. Просто трое друзей и предстоящая вечеринка. Все как обычно.

Мы еще немного подразнили Джека, пока таскали бревна к костру. Я притащил несколько широких стволов и расставил их так, чтобы сидеть у костра.

Тени деревьев стали длиннее, оранжевый шар на небе все глубже тонул в море. С залива Пассамакуоди дул освежающий бриз. Я отряхнул песок с шорт и с удовольствием огляделся. Мы отлично поработали: места для сидения, напитки, костер. Не хватало только гостей.

Блейк открыл холодильник и достал три бутылки пива. Джек помотал головой и взял безалкогольное.

– Мне еще за руль. Хочу завезти Реджи к родителям до начала вечеринки.

Блейк пожал плечами и открыл бутылку. Я тоже открыл свою, и в нос ударил освежающий терпкий запах. Блейк чокнулся сначала с Джеком, потом со мной.

– За легендарную вечеринку!

– За незабываемый вечер! – Джек ухмыльнулся. – Кстати, кто-нибудь захватил колонку?

– Да, но на всякий случай, – ответил Блейк. – Лив ведь наверняка привезет гитару.

Джек тут же взглянул на меня, а Блейк ударил себя по лбу и сокрушенно опустил взгляд.

– Извини, чувак.

Я сдержал циничный комментарий и натянул на лицо улыбку.

– В любом случае без музыкального сопровождения мы не останемся. – Затем я еще раз чокнулся с друзьями, чтобы немного их успокоить. – Уверен, будет здорово!

Джек и Блейк, изо всех сил стараясь скрыть явное облегчение, подняли бутылки.

Пока Блейк жадно пил пиво, Джек похлопал меня по спине.

– Неважно, что произойдет, мы всегда рядом.

Я кивнул, не в состоянии вымолвить ни слова. В горле так першило, словно наглotalся стекла.

Я знал, что Джек говорит серьезно. Два моих лучших друга прошли ад последних лет вместе со мной. Они видели меня в самые сложные времена и не бросили. За это я навеки буду им благодарен. Я не сомневался, что они могли по моей просьбе весь вечер игнорировать Лив или даже доставить ей неприятности. Но я этого не хотел. Мне хотелось, чтобы все снова стало нормально. Как раньше. Даже если это уже невозможно.

Я взглянул на телефон. Через полчаса подтянутся первые гости. И в какой-то момент придет она.

При мысли о Лив у меня в животе возникло такое же неприятное ощущение, как в тот день, когда я впервые пригласил ее покататься на одной из семейных лодок. Я сглотнул, чтобы побороть внезапно появившееся чувство тошноты.

«Спокойно, – мысленно приказал я себе. – Это твоя вечеринка. Вы встретитесь на твоих условиях. У тебя все под контролем».

Но я почему-то все равно чувствовал себя так, словно с кровоточащей раной прыгнул в бассейн с акулами.

2. Лив

– Я загляну к Бабуле Жу-Жу, – крикнула я через плечо, пока за мной не захлопнулась дверь. Родительский дом с покосившейся крышей, облупившейся желтой краской и запущенным садом на прощание заскрипел половицами веранды.

Ни следа мамы и папы, хотя они точно были где-то здесь.

Мама, наверное, разглядывала новую картину в своей студии, а папа работал над какой-нибудь скульптурой в подвале. Полное отсутствие интереса к моей персоне вызвало стойкое ощущение дежавю из детства и юности. Мы никогда не были нормальной семьей. Никто не провожал меня, когда я уходила, никто не требовал вернуться домой к ужину. Никаких вопросов, куда я собралась. Так было всегда.

Мне пришлось два раза дернуть дверь желтого «жука», прежде чем она с тихим скрипом отворилась. Забравшись в машину, я почувствовала знакомый запах старой кожи, вялых цветов, дынной жевательной резинки и типографской краски. Я глубоко вдохнула и со щемящим сердцем огляделась. Гора упаковок от «Хуба-Бубы» на пассажирском сиденье, сзади огромная стопка книг, в держателе на приборной панели высохшая алая роза – все было точно таким же, как я оставила четыре года назад. К ним никто не прикасался.

Воспоминания заполнили разум, и я прикрыла глаза. Неуверенный первый поцелуй после ливня в конце лета. Как мы подпевали любимым песням, которые я специально переписала на кассету, чтобы слушать на древнем проигрывателе. Секс на тесном заднем сиденье – много ругательств и синяков. Пузыри из жвачки. Слезы в ту ночь, когда я убежала с выпускного и полностью изменила свою жизнь... Стоп!

Боль тут же вернулась ко мне звонкой пощечиной.

Я распахнула глаза и быстро промокнула ладонью предательски влажные ресницы. Дрожжащими пальцами я порылась в куче пустых упаковок на пассажирском кресле и нашла одну запакованную жвачку. Едва я засунула в рот ядовито-розовую резинку и почувствовала вкус дыни, как мне стало гораздо легче.

Большинство воспоминаний об этой машине были хорошими. Нужно сосредоточиться на них, а остальные зарыть поглубже. Как я и делала последние четыре года. Но, взглянув на высохшую розу, я не решилась выкинуть ее из окна. Это было равносильно уничтожению куска души.

Я быстро перевела глаза на зеркало, проверила тушь и лопнула пузырь из жвачки. На кончике носа осталась «Хуба-Буба», и я непроизвольно засмеялась. Я оттерла жвачку от загорелой кожи, завела мотор – получилось не с первой попытки – и поехала.

Поездка по Сент-Эндрюсу спустя четыре года напоминала просмотр любимого фильма. Все было знакомым, я ориентировалась с закрытыми глазами, но все же за четыре года разлуки я словно смотрела на город с другой стороны.

Вот кафе «Ламберджек», где я раньше завтракала. В паре зданий от него – магазин и кофейня «Уэйл Стор», которые уже несколько лет принадлежали моим друзьям Дебби и Эду. Вон там взмывал в небо серый бетонный корпус, моя школа – по праву самое уродливое здание Сент-Эндрюса. Никакого сравнения с жизнерадостными красочными фасадами домов на Уотер-стрит и пирсом со скользящими туда-сюда катерами, где всегда было полно туристов.

Все почему-то казалось меньше, чем раньше, город словно скукожился. Или это я выросла?

Позднеиюньское солнце било в лобовое, и я опустила боковое стекло. Кондиционер? Нет, не слышали.

В ушах стоял рев мотора вперемешку с шумом моря, колыханием канадских флагов на ветру, отрывками разговоров и криков чаек. Звук моей родины. Еще никогда это не звучало столь прекрасно, и никогда еще на сердце не было так тяжело.

Надо признать, я скучала по этому месту. За последние четыре года я приезжала домой всего три раза и всегда коротко, на Рождество или День благодарения. Летать из Европы было дорого, и? честно говоря, я старалась держаться отсюда подальше. Это было проще, чем взглянуть в глаза своим демонам, точнее друзьям.

При этой мысли у меня сжалось сердце, и я нажала на газ.

Бабуля Жу-Жу сидела в плетеном кресле на выкрашенной в белый цвет веранде нежно-розового дома и подмигнула мне, когда я припарковала «Вавочку» у обочины. Я поднялась по лестнице, и каждый шаг был столь знакомым, что я бы нашла дорогу с закрытыми глазами. Бабуля просияла.

Ее сломанная нога покоилась на низкой табуретке перед креслом, а подойдя ближе я увидела, что гипс был весь изрисован картинками и пожеланиями выздоровления от соседских детей. Узнав о ее травме, я тут же купила билеты на самолет домой. Я только что закончила учебу, так что теперь могла посвятить все свое время бабуле. Возможно, мне удастся успокоить совесть, потому что в последние годы я появлялась тут слишком редко.

– Лив! – воскликнула бабушка и попыталась подняться.

Я наклонилась и чмокнула ее морщинистую загорелую щеку, а потом на секунду положила подбородок на длинные серебристые волосы. Я глубоко вдохнула аромат хозяйственного мыла, свежего сена и пчелиного воска.

– Не вставай, Бабуля Жу-Жу!

Я всегда так называла бабушку, потому что в детстве не могла выговорить ее имя – Линда. И поскольку она была бабушкой с пчелами, с моей подачи она превратилась в Бабулю Жу-Жу. Некоторые из ее маленьких желто-черных друзей с тихим жужжанием кружили вокруг графина с домашним лимонадом, который стоял на столике рядом с креслом. В графине плавали дольки лимона и апельсина.

– Не желаете выпить? – спросила она с хитрой улыбкой. Она точно знала, что я приеду сегодня. Вчера я прилетела слишком поздно, чтобы идти в гости.

– Как я могу сказать «нет» лимонаду? – я засмеялась и прыгнула на садовые качели с потертой синей тканью, а бабушка повернулась в мою сторону. Я смахнула пот со лба, налила нам обеим лимонаду и поставила стакан перед бабулей.

– Как я рада, что ты вернулась, Лив! – Она отхлебнула из стакана, не сводя с меня глаз. Она всегда разглядывала меня изучающе, с беспокойством отыскивая знаки того, что я плохо ела, вела не слишком здоровый образ жизни и не заботилась о себе. Этой болезнью страдали, пожалуй, все бабушки, а у моей она обострилась из-за того, что я слишком долго жила за границей, где она не могла за мной присматривать.

– Ты так говоришь только потому, что тебе нужен человек, который будет ухаживать за животными!

Ее глаза хитро блеснули.

– И который будет водить меня в туалет!

Я засмеялась.

– Все ведь не так плохо, правда?

Она пожала плечами и постучала огрубевшими костяшками пальцев по гипсу.

– Я больше ни на что не гожусь. Доктор Сью не позволяет работать у нее в практике, твои родители не разрешают даже сходить в магазин и мне стало сложно кормить коз, – она нахмурила лоб. – Вчера Рита чуть не сбила меня с ног.

– Бабуля! Как можно в таком состоянии ходить в магазин, не говоря уже о работе?! – я с притворным ужасом покачала головой.

– У меня же есть опора! – она кивком показала на костыли, прислоненные к креслу. – Они хотели затолкать меня в инвалидное кресло, но я их как следует отчитала. Я не паралитик, у меня просто сломана нога!

– Но, бабуля, признайся, что сейчас ты не все можешь делать! – я сдвинула брови и сделала серьезное лицо.

– С овцами и курами я справляюсь, – невозмутимо продолжила она, – а вот козы мне сейчас не по зубам, да и пчелы меня беспокоят. Им нужно больше внимания.

Я отогнала одного из мохнатых насекомых от графина с лимонадом и понимающе кивнула. Пчелы были особой гордостью бабули. Она трогательно о них заботилась, а по выходным продавала на ярмарке не только яйца и козий сыр, но и мед, а также самодельные свечи из пчелиного воска.

– Может, мне переехать к тебе? – спросила я. – Я знаю, что тебе не нужна помощь, это ты мне окажешь услугу. Мама и папа уже довели меня до белого каления.

Я заметила, как бабуля пытается подавить саркастичную усмешку. Она сложила губы трубочкой и прикусила щеки, так что стала похожа на золотую рыбку.

Мои родители – отдельная тема. Уже во время часовой поездки на машине из аэропорта вчера вечером все их разговоры сводились к искусству. О судьбоносной выставке в Галифаксе, которую сейчас готовила мама. О новой коллекции открыток с ее фотографиями природы. О папином сотрудничестве с художниками коренных народов Канады, о том, что маму номинировали на премию для начинающих художников. Неважно, что их дочь только что вернулась с дипломом бакалавра после четырех лет жизни в Европе и что ей тоже есть о чем рассказать. Они всегда были такими. Вот почему я с детства проводила большую часть времени у Бабули Жу-Жу.

Она хмыкнула, но воздержалась от комментариев.

– Сомневаюсь, что мне круглосуточно нужна сиделка, но я, конечно, рада проводить с тобой больше времени.

Я ухмыльнулась.

Она подмигнула и невесело улыбнулась в ответ.

– Ну, рассказывай, – в конце концов сказала она. – Что у тебя произошло со времени последней встречи?

Мы пили лимонад, и я рассказала ей о последних днях в Университете Мальмё⁴, куда я перевелась после двух семестров в Женеве. Мы общались по скайпу каждую неделю, так что бабуля знала о том, что у меня происходит.

– А где?.. – протянула она многозначительно, когда я закончила рассказ.

– Я тебя скоро с ним познакомлю, – выпалила я. – А сейчас я хочу к животным.

Бабуля с улыбкой кивнула и указала на сад:

– Ты знаешь дорогу! И раз уж ты туда собралась, поменяй всем воду. Я утром не успела.

Я вскочила и побежала по веранде. В ветвях могучих старых деревьев щебетали птицы, легкий морской бриз трепал мне волосы. Ветер донес до ушей бляенье и кудахтанье. Мне не терпелось увидеть животных. В нос уже ударил терпкий запах овечьей шерсти, сена, козьего кала и куриного корма.

Первой я увидела белоснежную курицу с коричневым пятном.

– Гертруда! – я громко поприветствовала ее, сияя от радости, и так напугала беднягу, что та поскакала прочь, громко кудахтая.

– Прости! – крикнула я вслед старой наседке и спрыгнула со ступенек веранды в сад.

Огромный сад был аккуратно разделен на небольшие царства. Три козы и шесть овец паслись на лужайке, рядом расположился курятник и загон, хотя днем куры свободно разгу-

⁴ Город в Швеции.

ливали, где им захочется. В самом углу сада под шишковатыми дубами стояли улы. Я еще издали услышала гул и суматошное жужжание своих старых друзей.

Я на секунду остановилась, чтобы проникнуться атмосферой. Сердце до краев наполнилось теплом. Если бы меня спросили, где мой дом, я бы ответила «здесь». Именно здесь.

Я подошла к забору вокруг выгона и открыла калитку. Ко мне тут же подбежали две козы. Я аккуратно закрыла за собой калитку и поздоровалась с животными, которые тут же принялись радостно облизывать мне пальцы.

– Привет, ребята! Я по вам скучала. – Козел Казимир наблюдал за нами с почтительного расстояния. – Да, даже по тебе, старый ворчун!

Я поздоровалась с овцами, которые всегда вели себя крайне настороженно, хотя я всех знала по именам. Затем я начала наполнять корыто из шланга.

Потом я пошла к двум десяткам кур и в деревянных ящиках для несушек нашла пять яиц. Бабуле, должно быть, очень тяжело нагибаться из-за гипса. Я аккуратно сложила яйца в нижнюю часть своего широкого топа и несла их перед собой, словно в переднике.

Наконец-то я дошла до пчел. На мне не было спецодежды, поэтому я присела в траву на безопасном расстоянии и начала наблюдать за хаотичным движением перед пчелиными домиками. Солнце грело лицо, куриные яйца давили на живот, трава щекотала голые ноги, я глубоко вдыхала сладковатый запах пчелиных сот. Как же я скучала по этому месту! Пусть и не хотела себе в этом признаваться.

Когда я вернулась на веранду к бабуле, на столе уже стояла тарелка с аппетитным сэндвичем.

– Ты серьезно?! Я еще не переехала, а ты уже меня кормишь!

Бабуля подняла бровь и посмотрела на меня серьезно.

– Завтра День Канады. Я знаю, куда ты вечером собираешься, так что не отпущу тебя на голодный желудок!

Я не нашлась что ответить. Выложив яйца на стол, я плюхнулась на садовые качели. Откусив сэндвич, я застонала от восторга. Чеддер, огурчики и сливочный сыр по бабушкиному рецепту. Божественно!

Она довольно ухмыльнулась и подмигнула. Я слопала сэндвич в рекордно короткое время. Пока я ела, на экране телефона постоянно выскакивали новые уведомления. Сообщения из Ватсапа. Я их игнорировала.

Бабуля бросила любопытный взгляд на вспыхивающий экран.

– Ну что? Волнуешься из-за сегодняшнего вечера?

Я ожидала этого вопроса, но он все равно застал меня врасплох. Весь день я пыталась вытеснить из головы эту мысль. Нервничала ли я? Я скорее была на грани нервного срыва.

Я пожала плечами.

– Да не особо. Просто хочу всех увидеть.

Бабуля нахмурилась. Она слишком хорошо меня знала. Мне ее не провести.

– *Всех?*

– Да, *всех!* – ответила я с вызовом.

Телефон снова вспыхнул. Я использовала это как предлог, чтобы избежать допроса.

– Мне пора собираться и все такое.

– Конечно! – бабуля понимающе улыбнулась.

– Я перееду завтра, хорошо? У меня не так много вещей.

Она кивнула.

– С нетерпением жду рассказа о вечере!

Я закатила глаза и чмокнула ее в щеку.

– До завтра, Бабуля Жу-Жу!

– До завтра, Лив. Повеселись как следует!

Я чувствовала на себе ее взгляд, пока гремела дверь «Вавочки» и лишь с третьей попытки смогла завести мотор. Этот чертов взгляд ее пронизательных глаз. Мне не провести бабулю. Но я постараюсь как можно дольше обманывать саму себя. Это мне всегда хорошо удавалось.

Я ненадолго заскочила к родителям, чтобы переодеться и забрать гитару и укулеле. Начало темнеть, и мне казалось, что мое сердце вместе с солнцем погружается в море. Сердце становилось все тяжелее и робко трепыхалось в груди, как цыплята бабули.

Стоя перед зеркалом в своей старой комнате, одетая в свои любимые джинсовые шорты и топ с бахромой, я, несмотря на волнение, не смогла сдержать улыбку. С плакатов на стенах на меня смотрели *Bon Iver*, *Fleetwood Mac*, *Florence and the Machine* и *Ben Howard*, и я внезапно вновь почувствовала себя восемнадцатилетней. Сегодня будет отличный вечер.

– Думай о хорошем, и тогда с тобой произойдут хорошие вещи, – пробормотала я своему отражению. Я в последний раз провела по светлым волосам, взяла чехол от гитары и поспешила к выходу.

Вскоре я остановилась перед «Кеннеди Инн», одной из многочисленных небольших гостиниц в нашем городе. Глубоко вздохнув, я посмотрела в зеркало заднего вида и взъерошила волосы. Нервное движение, которое я с детства использовала, чтобы скрыть торчащие уши – одна из причин, почему я всегда носила свою гриву распущенной.

Краем глаза заметив движение, я обернулась. Бьёрн вышел из белого здания в колониальном стиле. Он выглядел чертовски хорошо. Как и всегда. Темно-русые волосы, загорелая кожа, под светло-голубой рубашкой угадывались аккуратные мышцы.

Я еще раз вздохнула и торопливо вышла из машины. Бьёрн тут же притянул меня к себе и страстно поцеловал в знак приветствия.

– Эй, *älskling!* – он всегда так меня называл. Это слово означало «любимая»⁵.

– Привет, – ответила я, слегка запыхавшись.

– Я по тебе скучал. Готова к вечеринке?

Я натянуто улыбнулась.

– Типа того.

⁵ Шведский язык.

3. Уилл

Вечеринка проходила отлично. Алкоголь лился рекой, всем было весело, а самое главное, музыка раздавалась из колонки Блейка, а не из гитары определенной персоны. Лив еще не ошастливила нас своим присутствием.

Я уже чувствовал, как алкоголь тепло и утешающе растекается в груди и рассеивает все страхи. Ничто не могло испортить мне вечер. Я был молод. Я руководил успешной компанией. Впереди была вся жизнь.

Я громко аплодировал Блейку, решившему показать несколько танцевальных движений, хотя на песке и после нескольких бутылок пива это выглядело скорее смешно, чем профессионально, и радовался за Джека, который весь вечер не сводил глаз с Марли. Счастливчик!

Я потихоньку пошел к костру, чтобы подкинуть дров. Я нагнулся и начал наблюдать за пламенем, которое, шурша и потрескивая, танцевало под собственную мелодию. Порой мне тоже хотелось стать пламенем, найти собственный ритм, стать хозяином своей жизни. Мне казалось, что тогда бы я засиял как маяк. Возможно, это был лишь самообман. Наверное, мне стоило послушать отца и просто радоваться тому, что имею. Жить с жаром внутри, из которого никогда не разгорится огонь.

Я вздохнул и поднялся на ноги. Развернувшись, я чуть не врезался в нее.

Фиона стояла так близко, что я почувствовал аромат мохито, который они с Элли выпили дома перед вечеринкой.

– Э-э-э, привет, – поздоровался я.

– Привет, Уилл! – Элли притянула Фиону за рукав кардигана и бросила ей предупреждающий взгляд. – Мы только пришли и хотели поздороваться. Классная вечеринка!

Я с благодарностью улыбнулся Элли, а та смущенно заправила темную прядь за ухо. Я снова посмотрел на Фиону. Моя лучшая подруга разглядывала меня с ног до головы: темно-зеленое поло, выгоревшие на солнце шорты и босые ноги. Фиона удовлетворенно кивнула.

– Отлично, – пробормотала она. – Покажи ей сегодня, что она потеряла.

– Что?! – я провел рукой по своей трехдневной щетине. – Я не буду этого делать, Фиа! Мы все тут взрослые люди и можем...

– Хм, – она нахмурила свой шоколадного цвета лоб и перекинула одну из длинных черных косичек через плечо. Ее белоснежные зубы засияли в темноте, когда она заговорщически мне улыбнулась.

– Я на твоей стороне. Команда Уилла, – она два раза постучала кулаком по сердцу.

– Нет никаких команд, Фиона! – ответил я, нахмурившись. – Я даже не знаю, придет ли она вообще.

Мне не хотелось скандала, не хотелось команд, я просто хотел, чтобы все стало как прежде.

– О, поверь мне, Лив придет! – Фиона нахально подмигнула. – Ей же надо разведать обстановку!

– Обстановку? – непонимающе переспросил я.

– Ну конечно! Ей же надо узнать, забыл ли ты о ней, появилась ли у тебя новая девушка, или ты все еще рыдаешь из-за нее, – последнюю фразу она произнесла, подняв бровь. – Победить должен один из вас.

– Это не соревнование, детка! – вмешалась Элли. Она обеспокоенно разглядывала Фиону, и ее карие глаза в темноте казались практически черными.

– Вот именно! Я не буду ничего из себя изображать перед Лив, – произнес я. – В конце концов, это она уехала. Это она изменилась. Я остался таким же, как был. Родина для нее

ничего не значит, – эти слова прозвучали жестче, чем я ожидал. – Слушай, Фиа, я желаю Лив всего самого лучшего. У нас все в порядке.

– Ты остался *таким же*, как был?! – Фиона спародировала мою фразу крайне саркастичным тоном. Да это же... Это... – прежде, чем Фиона успела закончить предложение, Элли быстро утащила ее от меня. Уходя, она бросила мне извиняющийся взгляд через плечо и пожала плечами, а Фиона продолжала протестовать. – А что?! Я просто сказала правду!

Я запустил руку в волосы и слегка потянул – я всегда делал так, чтобы сосредоточиться. Я большими шагами подошел к холодильнику и достал еще пива. Возможно, так мне удастся отвлечься. Но, обернувшись, я увидел ее.

Длинные белокурые локоны, которые в свете пламени казались еще мягче. Светлая кожа с россыпью веснушек – в темноте я их не видел, но точно знал, что они там. Широкая лучезарная улыбка, от которой морщился ее курносый нос. И... Господибожемой, она надела свои старые джинсовые шорты, в которых ее ноги выглядели просто роскошно.

Мое сердце на секунду сбилось с ритма. Я отпрянул на пару шагов назад, словно меня подстрелили, и покрепче вцепился в бутылку пива. Застигнутый врасплох, я обернулся посмотреть, не заметил ли кто-то мою реакцию, но на меня никто не обращал внимания. Я резко развернулся, одним глотком осушил бутылку и выкинул ее в огромный мусорный пакет, который мы привезли с собой на пляж.

Когда я отважился взглянуть через плечо, сердце остановилось во второй раз за секунду. Лив пришла не одна! За ее спиной возник высокий, стройный парень с неестественной улыбкой на лице. Его рука уверенно лежала на поясице Лив, пока она представляла его Фионе и Элли.

Я оцепенел, не видя никого, кроме них двоих, тесно прижавшихся друг к другу. Угол моего зрения без остановки сужался, взгляд сфокусировался на его ладони, лежащей на тонкой полоске кожи Лив между поясом шорт и топом.

Джек и Блейк сквозь гудящую толпу двигались к новоприбывшим. Джек ищуще озирался вокруг и остановился на мне. Я вздрогнул, увидев в его глазах сочувствие. Он вопросительно поднял бровь, но я отмахнулся от него, одними губами произнеся: «Все в порядке».

Но все было не в порядке. Казалось, что мои внутренности яростно взболтали и все органы теперь находились не на своих местах.

– Черт возьми, почему это выбило меня из колеи?! – пробормотал я и опустил глаза, поняв, что выругался. Я действительно думал, что у меня все под контролем. Но я не мог предугадать, что Лив зайвится сюда с парнем.

Конечно, я понимал, что когда-нибудь у нее появится новый бойфренд. Во время бессонных ночей я сотни раз представлял, как она развлекается с европейцами (в основном, с французами). Но увидеть ее с реальным парнем... Гнев запылал в груди, вытеснив уютное тепло алкоголя. Ледяная ярость потекла по венам, глаза застилала красная пелена. Конечно, Лив имела полное право встречаться с кем-то еще, но неужели ей обязательно надо было притащить его сюда? На мою вечеринку?!

Я развернулся и большими шагами двинулся прочь от костра. Сначала мне нужно было вернуть контроль над своими чувствами. Я не хотел вести себя как ревнивый придурок, не хотел устраивать сцен. Мне просто нельзя снова сходить с рельс. Но зияющая бездна, сопровождавшая меня последние годы, вновь разверзлась передо мной. Один неверный шаг – и она вновь меня поглотит. И я не был уверен, что снова смогу выбраться наверх.

И тут меня за предплечье поволокли в кусты. Шипы царапали мои голые руки, и я чуть не закричал.

– Да что?.. – я широко распахнул глаза. – Фиона?! – Опять она.

– Тсс! – она приложила палец к моим губам и начала обеспокоенно разглядывать. – С тобой все в порядке?

– Да... – тихий дрожащий голос выдавал мою ложь. Я прокашлялся. – Не волнуйся.

Фиона хмыкнула.

– Если не я, то кто? Блейк слишком пьян, а Джек, откровенно говоря, сейчас смотрит только на Марли. Он бы в огонь пошел и не заметил, если бы она стояла на другой стороне. – Фиона закатила глаза, но на ее губах появилась торжествующая улыбка. О нет, Фиона применила к этим двоим свои своднические чары?

– А этот тип, с которым она пришла, – сорвалось с моих губ, – кто он такой?

– Его зовут Бьёрн, и он из Стокгольма. Они познакомились в шведском университете и вместе путешествовали. Я постараюсь побольше о нем разузнать.

Наверняка Фиона заметила по моему лицу, как сильно я уже презирал Бьёрна из Стокгольма, хотя он наверняка был хорошим парнем.

– Да разве не все равно, с кем она, – произнесла Фиона. – Будь реалистом. Ты ведь все равно не собирался сходить с Лив, верно? Только не после всего, что произошло. Друг, она разорвала твое сердце на куски. Я была с тобой. Я помогла тебе его собрать. Поэтому я в команде Уилла, и ты можешь на меня рассчитывать.

Я закатил глаза, хотел перевести тему с этого разговора о командах, но внезапно осознал, что слишком измотан, чтобы произнести хоть слово. Я понуро опустил плечи и вздохнул. Этот вздох шел из самых глубин моей груди.

Фиона положила мне руку на плечо.

– Не дай испортить тебе вечеринку, Уилл. Ты так многого достиг за последние месяцы, не перечеркни весь прогресс.

Я хотел спросить, что она имела в виду, но она уже послала мне воздушный поцелуй и вышла из кустов.

Какое-то время я стоял один в крошечной темноте. Мерцающий свет костра сюда практически не проникал, и я наслаждался прохладной, темной тишиной. Шум басов доносился лишь отдаленным гулом, смех людей был не громче крика чаек. Ночной бриз шелестел листьями вокруг меня, я несколько раз глубоко вздохнул. Покров ночи придавал мне сил. Нет, я не дам испортить себе вечер. Я не буду как жалкий неудачник прятаться в кустах, пока Лив прекрасно проводит время с моими друзьями.

Я получаю ответы на свои вопросы. Зачем она вернулась? Как долго планирует оставаться? И, главное, кто такой этот Бьёрн? У них все серьезно? Или она притащила его домой просто чтобы показать мне, что между нами все кончено? Или чтобы, как выразилась Фиона, «победить»?

И если да, то почему Лив так со мной поступала? После всего, что между нами было. Неужели она не могла просто оставить меня в покое? Дать мне жить своей жизнью, а самой жить своей? Где-нибудь в Швеции с этим Бьёрном.

Я уверенно вышел из кустов и направился к костру. Музыка стала громче, до ушей доносились обрывки разговоров и смеха вперемешку с шумом волн. Внезапно музыка из колонок Блейка оборвалась. Я прибавил шаг, чтобы устранить неполадку. Вечеринка без музыки обречена на провал.

Но вдруг до моих ушей донеслось пение под тихий аккомпанемент гитары.

Этот голос я бы узнал где угодно. Нежный и глубокий, всегда с легкой хрипотцой на высоких нотах. А эта песня... *Lego House* Эда Ширана. Она так часто пела ее для меня. На катере, в моей комнате, на нашем месте возле кельтского креста. Это была одна из первых песен, которую она научилась играть на гитаре.

Лив пела о том, как вновь собрать вместе кусочки и построить из них что-то новое, и это было так иронично, что я едва сдержал смехок.

Издали я смотрел на ее светлые волосы, слегка розоватые в свете костра. На гитару в ее руках. Как все стояли вокруг и смотрели на нее горящими глазами.

У меня так сильно сжало горло, что чуть не стошнило.

Я бросился бежать в противоположном направлении, чтобы как можно больше увеличить расстояние между собой и моим сердцем, которое Лив все еще держала в руке и мучительно медленно раздавливала.

4. Лив

Бьёрн был довольно... прилипчивым. С самого начала. Именно поэтому я не смогла уговорить его не ехать за мной после моего поспешного отъезда из Швеции. Пока мою голову терзали раздумья, что ждет наши отношения, он быстро купил билет на самолет и на день позже меня прилетел в Сент-Эндрюс. Он хотел посмотреть, «где я выросла», хотел «быть частью моей жизни». Я же после возвращения целиком погрузилась в свой эмоциональный раздрай, поэтому у меня не было сил думать еще и о Бьёрне.

Он был инородным телом. Ему здесь не место. Хотя он очень мне нравился, я бы никогда не пригласила его к себе на родину по собственной воле. Все шло слишком быстро, интенсивно, гнетуще. А я даже не понимала, что делать со своей жизнью.

По крайней мере, мне удалось разместить Бьёрна в отеле. Я еще не была готова познакомиться с родителями, не говоря уже о Бабуле Жу-Жу. Если бы мы еще и жили вместе, у меня бы не осталось времени, чтобы заново обжиться в Сент-Эндрюсе...

Но проблема решилась сама собой, потому что я решила переехать к бабуле. Из-за сломанной ноги ей нужен уход и покой, и она не смогла бы заботиться еще об одном госте.

Хоть я и встретила Бьёрна утром в аэропорту, остаток дня он был предоставлен сам себе. Стыдно, конечно, но мне нужно было побыть одной, чтобы собраться и морально настроиться на вечер. Когда мы подходили к пляжу, я поняла, что совсем не готова.

Громкая танцевальная музыка встретила нас еще издалека, пламя костра окрасило все в теплые цвета, над морем сиял острый как серп полумесяц. Все было как обычно и абсолютно по-другому.

Люди дружелюбно меня приветствовали и поднимали бокалы. Хоккеисты, квотербеки, моя соседка по парте на математике, парень из школьной рок-группы. Я помнила лица, но за все эти годы забыла многие имена. Они превратились в безликих персонажей из прошлого, им больше не было места в моей жизни. Но я все равно рада была вновь их увидеть. Эти люди – часть Сент-Эндрюса. Как и я. И это всегда будет нас связывать.

Чувство возвращения домой стало невыносимым, когда я заметила Фиону. Она стояла у огня, положив руку на плечо своей девушки Элли, и смешила ее, нашептывая что-то на ухо.

Я резко остановилась и начала за ними наблюдать. Внезапно у меня подкосились ноги. Я так долго оттягивала этот момент, но вот он настал. Пути назад больше нет. Я понятия не имела, как пройдет наша встреча. Все-таки в последние годы я нечасто давала о себе знать. Да еще и эта история с Уиллом...

Я сдерживалась, чтобы не начать искать его глазами, и опустила взгляд на пальцы своих ног на песке. Бирюзовый лак на ногтях сверкал в свете костра.

И тут Бьёрн положил руку мне на поясницу.

– Представишь меня своим друзьям? – прошептал он мне на ухо.

Аромат его одеколona и корицы вернул меня в здесь и сейчас. Я повернулась к нему, заставив себя улыбнуться. И почему уголки губ внезапно стали весить целую тонну?

– Да, конечно, вот и они.

Встреча прошла... спокойно. Заметив меня, Элли и Фиона тут же подошли к нам, но приветствие получилось прохладным – по крайней мере, со стороны Фионы. Элли обнимала меня значительно крепче и дольше, чем моя бывшая лучшая подруга.

– Рада тебя видеть, Лив, – произнесла Элли, и это звучало искренне.

– Я тоже рада сюда вернуться. – Я нацепила на лицо сияющую улыбку, и в этот раз она далась мне гораздо легче, потому что я действительно рада была встретить девчонок. Но у меня в животе все равно возник ледяной ком, потому что Фиона избегала моего взгляда.

Но когда я увидела у Элли на пальце кольцо и точно такое же на цепочке на шее у Фионы, я не смогла себя сдерживать.

– Свершилось?! – заверещала я так громко, что люди вокруг нас начали оборачиваться. – Вот это сюрприз! – Когда я уезжала в Европу, они только начали общаться. Я крепко обняла их обеих: одну левой рукой, другую правой.

– Уже почти год, – пробурчала Фиона, когда я ее отпустила.

– У нас была скромная вечеринка, – быстро добавила Элли.

Кажется, ей было неприятно, что они меня не пригласили.

– Только с близкими людьми, – добавила Фиона, приподняв бровь. Да, приветствие однозначно прохладное.

Я постаралась сгладить неловкость.

– Поздравляю! Я очень за вас рада!

– Спасибо, – Элли тепло мне улыбнулась. – А кто твой спутник?

– Э-э-э, – я повернулась к Бьёрну, который все еще держал руку у меня на пояснице. – Ой, это Бьёрн. Он приехал сюда из Швеции... в отпуск. – У меня внезапно заплыли щеки. Надеюсь, в полумраке этого никто не заметил. Фиона и Элли пожали Бьёрну руку.

– Я непременно хотел посетить родину Лив, – объяснил он со своим легким шведским акцентом, который мне казался очень сексуальным. – Я еще ни разу не был в Канаде. У вас тут очень красиво. – Он чмокнул меня в щеку, и я испугалась, что сейчас он обожжет губы о мои пылающие щеки.

К счастью, Джек и Блейк появились прежде, чем Элли и Фиона успели задать вопросы – например, о статусе наших отношений.

– Привет, Лив! – радостно завопил Блейк, заключая меня в объятия. Джек вел себя более сдержанно. В этот раз я сразу представила Бьёрна, и ребята вежливо его поприветствовали.

– Добро пожаловать в Канаду, чувак! – Блейк хлопнул его по плечу, а Бьёрн от неожиданности прикрикнул.

– Можем вместе съездить на игру в Сент-Джон! Ты не узнаешь Канаду, пока не посмотришь, как мы играем в американский футбол!

– Э-э-э, да, конечно. – Бьёрну больше нравилось спортивное ориентирование и бег на лыжах. Ни разу не слышала, чтобы Бьёрн говорил о футболе или других играх с мячом.

– Не слушай Блейка, он просто дикий фанат футбола, – вставил Джек. – Вообще-то национальный вид спорта Канады – хоккей, но сейчас для него жарковато.

– Вы еще неплохо играете в керлинг, верно? – спросил Бьёрн.

– Да, – кивнул Джек. – Тут у всех пунктик на зимних видах спорта.

– У нас в Швеции тоже. Я занимаюсь бегом на лыжах.

– Это там, где надо стрелять? – спросил Блейк с неподдельным интересом в голосе.

Тонкие губы Бьёрна скривились, как всегда, когда он хотел сдержать смешок.

– Нет, это биатлон. В нем мы, шведы, не так сильны, как наши норвежские соседи.

– Понятно.

Между нами ненадолго повисла тишина, а потом Блейк подошел к холодильнику и взял две бутылки.

– Ребята, хотите пива?

Я помотала головой.

– Нет, мне еще вести машину, а Бьёрн не пьет.

Блейк уставился на Бьёрна.

– Ты... Не пьешь?.. Совсем?!

– Блейк, зайчик, многие люди справляются и без алкоголя, – усмехнувшись, произнесла Фиона. Она произнесла это в шутку, но я почувствовала, как резко изменилось общее настроение. Джек взглянул на Фиону с упреком, а она извиняюще подняла руки.

– Бьёрн не только не пьет алкоголь, он еще и веган, – быстро добавила я, чтобы разрядить обстановку. – С тех пор, как мы вместе, я стала вегетарианкой.

– Может, тебе лучше с Бьёрном *это* обсудить, а не спорт? – бросила Фиона Блейку, а тот в ответ на шпильку закатил глаза и открыл бутылку, которую только что нам предлагал. Он опустошил ее пугающе быстрыми глотками.

Джек за спиной у Блейка расстроено всплеснул руками. Фиона показала ему язык.

Я однозначно что-то пропустила.

– Лив, у тебя гитара с собой? – спросила Элли, которая, как и я, изо всех сил старалась разрядить обстановку.

– Блейк весь вечер о ней говорит! Правда, дружище? – Джек забрал у Блейка пустую бутылку и похлопал его по плечу, отчего тот слегка покачнулся.

– Мне просто нравится, как ты поешь, – пожал плечами Блейк. – Давненько тебя не слышал.

Я засмеялась.

– Конечно, гитара у меня с собой. В машине.

– Я схожу за ней, *älskling*, – Бьёрн чмокнул меня в висок и удалился. Ночь протянула ко мне свои холодные пальцы, и я тут же почувствовала, как мне не хватает его тепла. Спасибо взглядам Фионы.

Блейк приобнял меня и повел к одному из бревен, на котором все сидели вокруг костра. Остальные, чуть помешкав, последовали за нами.

Я боковым зрением взглянула на Блейка, изучила его стеклянные глаза, короткие курчавые волосы. Мне почему-то стало его жаль: кажется, дела у него шли неважно. Может, это связано с серьезной спортивной травмой, которая случилась незадолго до выпускного?

– Мы скучали по тебе, Лив, – произнес Блейк, поймав мой взгляд. Хотя у меня сложилось впечатление, что скучал по мне только он.

– По мне или по моей гитаре? – подозрительно протянула я.

Он шутливо толкнул меня локтем.

– Не волнуйся! Остальные еще отгают. Просто четыре года – слишком долгий срок...

Я улыбнулась ему с благодарностью.

– Я останусь здесь на какое-то время.

– Здорово! – он усмехнулся. – Старая компашка наконец-то снова вместе.

Я нахмурилась. Неужели Блейк не заметил прохладный вайб остальных? Но он уже показывался при ходьбе и, кажется, не вполне ясно соображал.

– У нас в компании пополнение! – спокойно продолжил он. – Марли из Торонто. Тебе она понравится. Она вскружила голову Джеку.

Не успела я ответить, как он взял в руки телефон, и музыка из колонок резко заглохла.

– Эй, слушайте сюда! – пророкотал он. – Лив сейчас для нас споет. И, поверьте мне, это будет круто! Так что все заткнулись и слушаем! – Толпа заулюлюкала, и все ринулись к костру.

Я улыбнулась. Я никогда не боялась сцены. Пение с малых лет было для меня надежной гаванью. Моим спасением от пренебрежения со стороны родителей, от проблем с речью и сопутствующих проблем с самооценкой. Хотя все смотрели на меня, слушали мой голос, следили за тем, как пальцы перебирают гитарные струны, перед публикой я чувствовала себя анонимно. Я впускала этих людей в глубины своей души на пару минут, позволяла им почувствовать, будто они меня знают. Но на самом деле никто из них не знал, кто я. Это было лишь иллюзией. И мне нравилось с ней играть. Я превращалась в другого человека, входила в роль и на долю секунды получала полный контроль. Люди не отводили взгляда от моих губ, и я могла заставить их испытывать любое чувство – не заикаясь и не спотыкаясь на словах. Это ощущение опьяняло. К сожалению, часто это приводило к нежелательным знакам внимания

от парней, которые не понимали, что для меня это была лишь постановка. Такие встречались всегда и везде.

Бьёрн появился с моей гитарой. Я поблагодарила его и накинула ремень. Гладкое дерево привычно ощущалось под пальцами – кусочек дома в любой точке земли. Я слегка пощипала струны. Утром я настроила гитару.

Я в последний раз окинула взглядом море лиц, ища теплые карие глаза, каштановые локоны и ухоженную бороду. Уилл все еще не появился. Фиона тоже куда-то исчезла.

Я сделала несколько глубоких вдохов, как учили на йоге, закрыла глаза и начала играть.

Закончив петь *Lego House* Эда Ширана, я подняла глаза. Каждый раз после пения я словно выходила из транса. Аплодисменты проходили мимо, я едва их слышала. Блейк гордо похлопал меня по плечу. Я развернулась к нему с улыбкой. И тут мой взгляд упал на Уилла, и у меня перехватило дыхание.

Он стоял чуть в стороне от людей, видимо, только что подошел. Мое сердце подпрыгнуло и начало так больно биться, что мне захотелось прижать руки к груди.

Уилл выглядел точно так же, как раньше, и в то же время совсем по-другому. Все в нем было знакомо, и все же он казался бесконечно далеким. На долю секунды наши взгляды встретились, и я покрепче вцепилась в гитару. Но потом он повернулся к только что приехавшей красивой девушке с медно-коричневой кожей и черными кудрями. Уилл пожал ей руку, его глаза сияли. Должно быть, это Марли.

Фиона тоже появилась словно из ниоткуда и обняла новенькую. Положив руку ей на плечо, Фиона подвела ее ко мне.

– Это Лив. Вчера вернулась из Европы.

Я заметила, как Марли коротко взглянула на Уилла, услышав мое имя. Неужели она обо всем знает? И почему Фиона, которая весь вечер не смотрела в мою сторону, внезапно стала такой разговорчивой? Она что, хотела показать, что теперь она дружит с Марли – вместо меня?!

Я прогнала тяжелые мысли, быстро нацепила на лицо улыбку и приобняла Марли.

– Так, значит, прибавление в нашей компашке – это ты?

Я судорожно притянула к себе Бьёрна, чтобы представить ему Марли. Втайне я была рада, что могу к нему прислониться, потому что Уилл уже отвернулся. Неужели он даже не поздоровается?!

Пока я слишком громко и быстро тараторила, чтобы скрыть свою неуверенность, взгляд то и дело возвращался к Уиллу, который демонстративно развернулся ко мне спиной. Щеки пылали от унижения, потому что он меня игнорировал. Конечно, я не ожидала, что он бросится мне в объятия... Но это уже просто детский сад.

Когда к нам подошел Джек и снова завел с Бьёрном разговор о спорте, у меня появилась возможность выдохнуть. Я окинула взглядом толпу, сердце билось слишком часто. Черт, я упустила Уилла из вида. Я непроизвольно покрепче прижала руку Бьёрна к моим бедрам. Нужно срочно прекращать искать глазами бывшего, пока новый парень стоит рядом. Я попыталась сосредоточиться на разговоре, но у меня не получалось. И тут я услышала голос Уилла:

– Марли! Вот, это тебе.

Мне стоило огромных усилий не развернуться в его сторону, поэтому я боковым зрением смотрела, как Уилл передал Марли зефир на деревянной шпажке.

Они подошли ближе к костру, и я больше не слышала, о чем они говорили. Я попыталась ослабить хватку, чтобы у Бьёрна на руке не остался синяк, но было просто необходимо за что-то держаться. Как будто я стояла в зыбучих песках и неудержимо шла ко дну.

Меня ненадолго отвлекли Элли и Фиона, которые с громким визгом навалились на Блейка и начали закапывать его в песок, но я едва следила за этим шоу.

Когда я вновь осмелилась взглянуть на Уилла, он передавал Марли сморсы⁶. Горячий шоколад потек по его руке, и я не могла отвести взгляд. Как часто мы ели сморсы у костра! Как часто я слизывала шоколад с его пальцев! Я машинально провела языком по резко пересохшим губам.

– Ты знаешь, как осчастливить девушку! – сказала ему Марли, и у меня от этих слов образовался такой ком в горле, что пришлось несколько раз сглотнуть.

Я в панике огляделась. Внезапно все стало невыносимым: жар костра, ночная прохлада, рука Бьёрна на моей коже, смех и голоса людей. Я схватила себя за горло.

– Тут есть безалкогольные напитки? – мой голос звучал хрипло и как-то шершаво, прямо как мамина наждачная бумага.

– Да, – крикнул Блейк из своего песчаного плена куда-то нам в ноги. – Джек специально для Марли купил вишневую колу.

Джек так топнул ногой, что Блейк получил в лицо целую горсть песка.

– Заткнись! – он бросил обеспокоенный взгляд на Марли, но она, кажется, ничего не услышала. Они с Уиллом сидели, склонив головы, и о чем-то секретничали.

Я прокашлялась, сглотнула ком в горле и снова начала кашлять.

– Я принесу, – с этими словами Джек исчез в толпе. Вскоре он вернулся и протянул мне бутылку вишневой колы. Я сделала большой глоток. Сладкий вишневый вкус растворил ком в горле, но не смог унять мое клокочущее сердце.

– Спасибо, Джек.

Он кивнул и вновь взглянул на Марли. Неужели Джека тоже задело, что лучший друг так близко с ней общается?

Я отпила еще и задрожала, когда прохладный напиток пошел по горлу.

– Ты замерзла, *älskling*? – тут же спросил Бьёрн с беспокойством. – У тебя мурашки.

– Я... Все в порядке... – я обхватила себя руками и начала растирать кожу.

– Я принесу кофту из машины, – сказал Бьёрн и скрылся в темноте.

Я повернулась к Джеку, но он тоже внезапно исчез. Так же как Уилл и Марли.

Я прищурила глаза и начала выискивать друзей в бушующей толпе. Фиону, Элли и Блейка тоже не было видно.

Ну круто! Первый вечер дома, а меня уже все кинули. Внезапно я почувствовала невероятную усталость. И вряд ли она была связана с джетлагом. Я со вздохом обняла себя покрепче и побрела по песку за Бьёрном.

Из-за мерцания пламени я почти ничего не видела за пределами костра. Казалось, что вокруг него образовалась черная дыра, которая грозила меня поглотить. Я уже не понимала, где парковка. Потерянная, я пошла сначала направо, потом налево и начала звать Бьёрна. Без ответа. Я собиралась найти его и тут же поехать домой. Причин оставаться больше не было. Вечер так меня взбудоражил, что коврик для йоги был необходим как воздух. Мне срочно нужно было помедитировать, разгрузить голову и преодолеть вновь вспыхнувшие страхи.

Я засунула руку в карман, чтобы достать телефон. С фонариком я уж точно найду дорогу. Я тянула изо всех сил, но шорты стали такими тугими на попе, что мне было сложно высвободить телефон из кармана. Я так сильно его дергала, что пару шагов прошла на нетвердых ногах, пока телефон наконец не вылез из кармана. Он выпал у меня из руки и упал куда-то в темноту.

– Черт, черт, черт!

Я на четвереньках принялась обыскивать песок, слепо ощупывала землю под собой. Во мне начала подниматься паника. В телефоне сохранены фото из всех путешествий. Все контакты, видео, рецепты, песни. Наконец-то я почувствовала рукой прохладный экран и с облег-

⁶ Десерт, состоящий из горячего зефира, печенья и шоколада. Впервые читатели цикла «Стихии любви» знакомятся с этим лакомством в первой книге «Когда приходит шторм».

чением вздохнула. Затем схватила телефон и подползла к огню, чтобы лучше видеть. Краем топа я обтерла экран от песка.

Потом поднялась на ноги и... оказалась нос к носу с Уиллом.

5. Уилл

После того, как мы с Марли освободили Блейка из его песчаного плена, мы побежали за Фионой и Элли, которые с визгом уносили ноги. Мы несколько раз оббежали костер, пока я не потерял ребят из виду и чуть не врезался в Лив.

Она без предупреждения оказалась со мной нос к носу. Пламя костра бросало тень на ее лицо, которое я узнал бы даже в кромешной темноте.

Лив провела рукой по волосам – жест настолько знакомый, что у меня до боли сжало в груди. Внезапно я понял, что разучился говорить. Я забыл, что должен был на нее злиться. Забыл, что мое сердце разбито вдребезги. Я просто хотел слышать ее голос, смотреть в ее глаза, прикоснуться к ее щеке. Но мне нельзя. Больше нельзя. Все, что раньше было само собой разумеющимся, теперь стало недоступным.

И все же... Вопреки здравому смыслу в ее присутствии я расцвел, как цветок, тянущийся к солнцу. Я вспомнил песню Бена Ховарда, которую целыми днями слушал после ее отъезда. Он пел, что другой человек – океан, а сам он – всего лишь камень. Камень, который тонет в его глубинах. Мне нельзя забывать это чувство. Как я тонул, опускался все глубже и глубже. В бездонную черноту. Которая так долго меня не отпускала.

Я моргнул, чтобы прийти себя. Пора уже было сказать что-то Лив, но голос меня не слушался.

Лив смотрела на меня.

Я смотрел на Лив.

Она откашлялась.

Я откашлялся.

– Значит... ты вернулась, – мой голос звучал безжизненно и пусто.

Лив кивнула.

– Я вернулась.

Молчание. Его нарушал лишь плеск волн, голоса друзей и музыка из колонки Блейка, звучащая где-то вдалеке.

– Надолго?

– На неопределенный срок. – Лив опустила глаза и большим пальцем ноги чертила круги на песке. Она что, смущена, как и я? – Я какое-то время буду ухаживать за бабушкой. И за пчелами.

– А, ой, точно. Я слышал, она сломала ногу. Как она себя чувствует? – я почесал колючую щеку. Лив тут же взглянула на мою бороду. Раньше Лив очень ее любила, ей нравилось проводить по ней ладонью. Иногда она даже прислонялась к ней носом и говорила, что это лучший аромат на свете.

– Э-э-э, – Лив взглянула мне в глаза. – Уже лучше. Кажется, от перелома больше всего пострадала ее гордость.

– Представляю! – я ухмыльнулся, вспомнив Бабулю Жу-Жу. – Она всегда была очень бодрой и хипповой бабулей.

Лив робко улыбнулась. Ее взгляд устремился вдаль, словно она вспоминала обо всем, что мы вместе пережили с Бабулей Жу-Жу. Видя улыбку Лив, я ощущал, словно она сжала в руке мое сердце. Мне было больно. Но в то же время мне не хотелось, чтобы она прекращала.

– Помнишь, как она в средней школе предложила нам испечь кексы с коноплей? – быстро спросил я, чтобы поддержать разговор.

– Да, это было весьма оригинально, – Лив засмеялась, и ее смех окончательным выбил меня из колеи. Звонкий, как колокольчик, как всегда непосредственный и беззаботный. У меня в груди вновь появилась боль, и я с шумом втянул воздух.

Кажется, Лив тоже заметила, что мы оба ненадолго забыли, кто мы такие. Что мы больше не те же, что четыре года назад. Она задумчиво заправила волосы за уши и прикусила нижнюю губу. Она переводила взгляд с меня на далекий костер и обратно.

От меня не ускользнуло, что она следила за мной во время разговора с Марли. Правда, я не понимал, что это значит. Неужели приревновала? Она, которая привела с собой шведского Адониса?! Уму непостижимо. В конце концов, это ведь она меня бросила.

– А как дела... у твоей семьи? – осторожно спросила Лив. Мы кружили, как два фехтовальщика. Никто не осмеливался задать деликатный вопрос, спросить что-то личное. Никто не решался нанести первый удар.

Я пожал плечами.

– Эмми теперь студентка. У мамы все хорошо. А вот с папой два года назад случился инфаркт.

Лив приложила ладони ко рту.

– Ой, Уилл, как ужасно!

– Ему провели шунтирование сердца, так что ему уже лучше.

– Это просто... Мне очень... мне очень жаль, – она не до конца опустила руки, словно желая протянуть их мне. Или обнять? С этим она на несколько лет опоздала.

Мне стало интересно, чего же ей жаль. Что моему папе плохо? Что она не знала об этом, потому что не считала необходимым со мной общаться? Или что это сложное время мне пришлось пережить в одиночку? Хотя я был не один, друзья всегда были рядом. А вот она – нет.

Старая злость на Лив постепенно начала вырываться наружу. Я смотрел на ее лицо, влажные ресницы, дрожащие губы. Пора наносить удар.

– Теперь папа не так много работает. Мама не позволяет. Он неофициально ушел на пенсию. Поэтому у меня в последнее время много работы.

Лив поджала губы. Она знала, зачем я поднял эту тему. Она с самого начала была камнем преткновения между нами. И это не изменится никогда. Я знал ее мнение на этот счет, она знала мое. Необязательно было это обсуждать. Но ведь она сама спросила. К тому же у нас так было всегда. Мы никогда не могли поддерживать светскую беседу, говорить ни о чем. С самого начала наши разговоры были гораздо глубже.

Она коротко кивнула, ее взгляд ужесточился.

– Уверена, ты превосходно справляешься.

Я едва не фыркнул, но сдержался.

– А ты? Как ты справлялась в Европе? – если уж начал, пора наносить смертельный удар.

– Не так уж плохо, – пробормотала она. Тема, очевидно, была ей неприятна. Она вновь начала разглядывать бирюзовые ногти на ногах. Потом расправила плечи и подняла взгляд. Ее глаза воинственно пылали. – Нет, знаешь что? Там прошло лучшее время моей жизни! – *«И я не буду за это извиняться»*, – эти слова явно прозвучали, хотя она их не произносила.

Ага! А вот и она, *моя* Лив. Воинственная, упрямая, полная огня. Довольно дружеских церемоний.

– Лучшее время жизни, правда? – я произнес это расслабленно, насмешливо, но чувствовал себя жалким и мелочным.

– Да, лучшее время моей жизни.

– Может, повторишь? А то я с первого раза не понял!

Она блеснула на меня глазами.

Я блеснул в ответ.

Она первой опустила взгляд. Между нами повисла тяжелая и угнетающая тишина.

– Да уж, похоже, я многое пропустила? – в конце концов спросила она. – Элли и Фиона. Твой папа. Блейк?

М-да, жизнь продолжается, Лив. Даже без тебя. Я еле сдержался, чтобы не произнести эти слова.

– Это были непростые годы, – вместо этого произнес я. Внезапно я почувствовал огромный ком в горле.

– У меня тоже. – Мы вновь встретились глазами. Ее взгляд был твердым как сталь.

Очень сомневаюсь, потому что Лив отлично убегала от конфликтов. Если бы это было олимпийской дисциплиной, она бы стала непобедимой золотой медалисткой. Последний раз она сбежала аж в Европу. Однозначно новый рекорд. От этой мысли я усмехнулся, и ее взгляд тут же устремился к моему рту. Она уставилась на мои губы, и у меня тут же засвербило в животе. Я сглотнул ком в горле. И это не укрылось от ее внимательных глаз.

Она облизала губы, сделала шаг навстречу мне.

– Уилл, я... – она что, собирается извиниться?! – Мне...

Но она не успела договорить, потому что из темноты до нас донесся голос:

– *Älskling*, это ты?

6. Лив

Я стояла вплотную к Уиллу, который выглядел просто сногшибательно – повзрослевший, зрелый и сильный, – и тут услышала голос Бьёрна. Тут же почувствовав его руку у себя на пояснице, я оцепенела.

– С кем ты там разговаривала? – Бьёрн накинул мне на плечи вязаный кардиган, который пах свежим сеном, медом и яблоками. Аромат Бабули Жу-Жу.

– Э-э-э, да так... Просто с Уиллом.

– *Просто* с Уиллом? – со смешком переспросил Бьёрн. Внутри меня все сжалось. Нет, он никогда не был для меня «просто» Уиллом.

– Мы с Лив старые друзья, – Уилл нацепил на себя нейтральное выражение лица. – Ходили вместе в школу.

Все это было правдой и все же звучало как величайшая ложь века. Я поспешно кивнула.

– Да, мы старые друзья:

– Что ж, рад познакомиться, Уилл, – Бьёрн протянул ему руку. Уилл взглянул на нее так, словно перед ним отвратительное насекомое.

Просто пожми ее, мысленно взмолилась я. Но тут все прошло, и Уилл с улыбкой поприветствовал Бьёрна.

– Я слышал, ты из Швеции?

Бьёрн кивнул.

– Впервые в Канаде?

– Ага. Я был на всех континентах, кроме Северной Америки и Антарктиды. Хорошее местечко.

В глазах Уилла что-то блеснуло.

– Ах, да ты прямо путешественник! Вы с Лив похожи.

– Да, это наша общая страсть. На каникулах мы много путешествовали автостопом по Европе. Прага, Будапешт, Миконос, Венеция, Рим, Париж, Мадрид.

– Впечатляюще, – Уилл вскинул брови и взглянул на меня. – А теперь ты хочешь показать ему Канаду? Путешествие по всей стране? Отличная идея!

Я сверкнула на него глазами.

– Мы... вообще-то не собирались... Или нет, *älskling*? – спросил Бьёрн неуверенно.

– Нет, не собирались, – отчеканила я, не сводя с Уилла предостерегающего взгляда.

– А, ну понятно, – он широко улыбнулся. – Здорово, что вы заехали, прежде чем вернуться домой.

Теперь Бьёрн недоуменно нахмурил брови. Конечно, он не заметил саркастичного тона Уилла.

– Вернуться домой? – воскликнула я. – Мой дом *здесь*, Уилл!

– А я думал, ты променяла Сент-Эндрюс на Европу. Извини, виноват.

– Я же тебе только что рассказала, что останусь тут на какое-то время! – прорычала я.

– Останешься?! – взволнованно переспросил Бьёрн. Я еще не посвятила его в свои планы.

Да уж, прекрасная беседа.

– Я... э-э-э... Ну так получилось... Бабуле нужно больше ухода, чем я думала, и...

– Ой, я вижу, вам многое надо обсудить, – произнес Уилл. – Пожалуй, оставлю вас, голубков, наедине.

– *Голубков?!* – фыркнула я.

Совершенно не обращая внимания на мой испепеляющий взгляд, Уилл кивнул Бьёрну.

– Рад был познакомиться! Может, еще увидимся до того, как ты уедешь.

От меня не ускользнуло, как он подчеркнул слово «ты».

Уилл снисходительно улыбнулся, а потом развернулся и ушел в сторону костра.

Я с открытым ртом провожала его взглядом. Такого Уилла я видела редко. Обычно он мягкий, эмпатичный и... вежливый. За последние годы он стал более острым на язык. Видимо, он уже не тот милый мальчик по соседству. Мне нельзя об этом забывать во время нашей следующей встречи.

Скрипя зубами, я повернулась к Бьёрну, а тот оглядел меня, вопрошающе подняв бровь. Я должна перед ним объясниться, хотя у меня не было слов, которые его бы устроили.

– Прости. Получилось... неловко.

– Не переживай. Ты ведь не видела ребят несколько лет. Люди меняются. – Бьёрн приобнял меня. – Тебе еще холодно?

Меня переполнило чувство благодарности за его теплоту и добрые слова. Я изменилась. Может, мне нужно вновь узнать своих старых друзей, а им – меня? Я прижалась к Бьёрну и подняла на него глаза.

– Ты не против, если мы уедем? Я очень устала. Видимо, джетлаг.

Он кивнул и махнул рукой на машину.

– Дойдешь сама? Я заберу твою гитару.

– Ладно, – я покорно вздохнула, а он отправился к костру, где осталась гитара. И снова трогательная забота от этого невероятно милого и привлекательного парня, который хотел стать моим постоянным бойфрендом. Мне стало стыдно, что я не рассказала ему всей правды. Естественно, причиной моей изможденности был не только джетлаг. Но сегодня у меня уже не было сил рассказывать Бьёрну о нас с Уиллом. Голова и так лопалась от перемен, произошедших с моими друзьями.

Вечер принес больше вопросов, чем ответов.

Грандиозное начало!

7. Уилл

Наутро после вечеринки я с раскалывающейся головой сидел у себя в кабинете. Ехидно размышлял, связано ли мое состояние с алкоголем или, скорее, с тем, что я все еще не проработал встречу с Лив.

Честно говоря, эта встреча перевернула мою жизнь с ног на голову. Я получил ответы на вопросы, но все еще не был доволен. Лив сказала, что останется здесь надолго. И в нашем маленьком городке мы так или иначе будем пересекаться.

Темная бездна разума шепотом звала к себе, тянула ползущие побеги, чтобы утащить меня. Вниз, в черноту, которая по пятам следовала за мной в последние четыре года. Если я не хочу разбиться, мне нужно привыкнуть к тому, что Лив снова появилась в моей жизни. Нужно научиться спокойно с ней общаться. Как старые друзья. Это ведь и правда о нас. Ну типа того.

Если бы не этот Бьёрн со своим снобским британским английским!

Я со вздохом поставил локти на массивный дубовый стол, провел ладонями по лицу и укололся щетиной. Кажется, пора подстричь бороду. Я с неохотой повернулся к ноутбуку и отправил уже напечатанное письмо.

Хотя вся страна в главный праздник отдыхала, для нашей туристической фирмы День Канады был самым напряженным днем в году. Местным сегодня было нечем заняться, поэтому они искали разнообразия, удовольствия, приключений – или просто хотели приятно провести время. И тут появлялись мы. Правда, в последнее время это проходило мимо меня. Дни, когда я сам водил экскурсии к китам или возглавлял походы на каяках, ушли в прошлое. Дни, когда на воде я проводил больше времени, чем на суше. А теперь я сидел, прикованный к письменному столу.

Я сделал глоток крепкого черного чая – кофе мне никогда не нравился – и окинул взглядом помещение. Стены были завешаны рамками с плакатами наших туров и газетными статьями о нашем семейном бизнесе.

«История успеха, объединяющая три поколения».

На фотографии, стоявшей в рамке по правую руку, я, восьмилетний кудряш, лыбился в камеру. Рядом, положив руку мне на плечо, стоял дядя Маттео. Его темно-каштановые волосы, так похожие на мои, растрепал ветер, а кожа была темно-коричневой от загара. Нас сфотографировали на фоне старомодного парусника, нашей фамильной гордости. На корме золотыми буквами было выведено слово «Джульетта». Дедушка по материнской линии назвал катер в честь жены, моей бабушки. Это была моя любимая лодка, место, на котором я с детства искал прибежище – и чаще всего находил. Один взгляд на фото придал мне новых сил.

За дверью моего кабинета, в отделе продаж, доносились привычные будничные звуки: шум голосов, шелест бумаги, когда кто-то листал каталоги, детский смех и голос Эмилии, которая как раз кому-то рассказывала, каких зверей можно увидеть на экскурсии по дикой природе. Судя по всему, у нас с утра уже было полно работы. А ведь горячий сезон только начался! Постепенно наш городок наполнится туристами, которые, надеюсь, обеспечат фирме успешное лето. Наши экскурсии считались одним из главных развлечений в Сент-Эндрюсе.

В дверь постучали. Я вздрогнул и метнулся взглядом к винтовой лестнице за спиной, ведущей на второй этаж. Там расположилась моя однокомнатная квартирка, в которой мне захотелось спрятаться.

Но было уже поздно. Дверная ручка повернулась, и дверь распахнулась. Лишь один человек никогда не ждал, пока его пригласят войти. Тот, кто большую часть взрослой жизни провел в этом кабинете и все еще считал его своей территорией.

– Доброе утро, Уильям, – отец стремительно вошел внутрь. Его появление, как и раньше, было весьма импозантным. Громкий голос, уверенная походка – он всегда был главным в

любом разговоре. Полная моя противоположность. Я всегда держался в стороне, был тихим наблюдателем. В детстве я был очень застенчивым, и мне до сих пор не удалось полностью преодолеть стеснительность. Мне всегда говорили, что я похож на маму. Еще никто не сравнивал меня с отцом.

– Привет, пап, – я судорожно глотнул чая, чтобы в похмельном состоянии беседовать с отцом. Мне необходима была вся моя сила. Пряный вкус обжигал язык и согревал меня изнутри.

Когда папа приблизился к столу, я расправил плечи и поднял подбородок. Он хоть и был маленьким – стоя я был выше его почти на целую голову, – но очень плечистым. В последние годы в его русых волосах появлялось все больше седины, но он всегда был аккуратно подстрижен и причесан. Под алой рубашкой виднелся небольшой животик, элегантные черные туфли были начищены и отполированы.

– Не вставай, – он нетерпеливо махнул рукой в мою сторону. – Не хочу тебя отвлекать.

Я подавил смешок, потому что и не собирался вставать. И потому что мы оба знали, что папина последняя фраза была откровенной ложью. Он говорил так всегда, и если я отвлекался, то через час он уже сидел в моем кресле и принимал звонки. Каким-то образом ему все еще удавалось вмешиваться в дела фирмы, хотя после инфаркта и операции он ушел на пенсию. Он управлял компанией лишь на бумаге.

– Хочешь кофе? – я кивнул на кофеварку, стоящую на комод. Как и массивный стол, она осталась в кабинете после папы и теперь покрывалась пылью.

– Капучино, пожалуйста.

Я встал, взял с полки чашку и неуклюже хлопотал вокруг машины, чувствуя себя каким-то практикантом. Через две минуты папа подошел и молча взял капсулу у меня из рук.

– Я сам все сделаю.

Опять двадцать пять, подумал я, отошел назад и уступил ему поле.

Наконец-то получив свой напиток, он едва не сел на мой стул, но в последний момент обошел стол и уселся напротив.

– Ты уже связался с типографией? Новые буклеты все еще не пришли. Надо бы подогнать этих лодырей.

– Все нормально, пап. Они написали, что на этой неделе все доставят. Из-за праздников все сдвинулось. Да и неделя только началась.

– Если не доставят, нужно обязательно им позвонить. Нельзя все решать в переписке. Если они увидят, что из тебя можно вить веревки, то обязательно обдурят.

Я мысленно закатил глаза. Неужели он думает, что я по телефону устройю разнос на ровном месте? Неужели он думает, что я вообще способен устроить разнос? Вместо ответа я прикусил язык и просто кивнул.

– Если этот поставщик ненадежный, найдем другого. Типографии сейчас появляются как грибы после дождя. Кажется, на этом можно неплохо заработать.

О нет, неужели у него вновь возникла бизнес-идея? С тех пор как папе стало нечем заняться – кроме того, как усложнять мне жизнь, – идеи стартапов возникали у него каждую неделю.

– А что с «Джувлеттой»? – спросил он. – Тебе уже прислали смету на ремонт?

Я снова кинул взгляд на величественный парусник на фото. На свою широкую улыбку, руку дяди у меня на плече.

– Нет, но точно скоро свяжутся.

– Точно, точно. Это не ответ! Я завтра заеду на верфь и поговорю с Джимми.

– Папа, не нужно. Джимми свяжется со мной, как только появятся новости.

И вот снова оно, крадущееся ощущение, одолевавшее меня, сколько я себя помню. Оно поползло вверх по спине, грузом легло на мои плечи, сдавило грудь и выжало из меня весь воз-

дух. Я *недостаточный*. Неважно, как сильно я стараюсь. Неважно, что мы увеличили выручку с тех пор, как я у руля. Меня никогда не было достаточно.

– Но я вижу, что ты не справляешься, Уильям, – строго ответил отец. – Оно и понятно. Очень напряженная работа.

Я со вздохом вспомнил те частые вечера в моем детстве, когда папа не приходил домой. Пустой стул за ужином, его тяжелые шаги на пороге, когда я уже лежал в кровати и давно должен был спать. Я часто не засыпал специально, чтобы хоть на секунду услышать его голос. Лишь повзрослев, я стал ценить эти спокойные вечера. Помогал маме готовить, а после еды, уложив спать младшую сестренку Эмилию, мы с мамой долго разговаривали.

– Я могу заходить почаще и приглядывать тут за тобой. Мне несложно. Пару часов в день, – голос отца вырвал меня из воспоминаний.

– Что?! – эту идею нужно как можно скорее подавить в зародыше. – У меня все под контролем, папа. Ты что, забыл, что сказал врач? Тебе нельзя работать.

Папа обиженно заворчал:

– Да-да, нельзя работать. А сидеть без дела можно? Скука негативно влияет на здоровье!

– Заведи хобби.

– Хобби?! Пфф! – он резко вскочил со стула и начал шагать туда-сюда по комнате. Капучино, который он так хотел выпить, нетронутым стоял на столе. – Эта фирма – моя работа, мое хобби, вся моя жизнь! Нельзя просто так ее бросить.

Нет, ты даже для своей семьи не смог этого сделать, подумал я с горечью, но промолчал.

– Пойми, твое здоровье превыше всего, – сказал я вместо этого.

– Я хотел бы работать до тех пор, пока не свалюсь тут мертвый, – воскликнул он с болью в голосе и так крепко обхватил подлокотники стула, что у него побелели костяшки пальцев. – Если ты выбыл из игры, нельзя войти в нее снова. Я лучше бы работал, чем смотрел, как успехи фирмы летят в трубу. Дело моей жизни!

– Папа, ничего никуда не летит. Последние годы были очень успешными, ты же читал отчеты.

Мне было очень неприятно вести этот разговор. Но мы всегда к этому возвращались. Отец полностью игнорировал написанное черным по белому. Он жил в собственном мире. С собственной правдой.

– Ты не будешь пить свой капучино? – я попробовал его отвлечь.

Он с отсутствующим выражением лица взглянул сначала на чашку, а потом на дверь.

– Нет, я лучше пообщаюсь с клиентами. Наши менеджеры по продажам уже не те, что раньше...

Я удержался от замечания, что в соседней комнате наши экскурсии прямо сейчас расхваливает его собственная дочь.

– Хорошо, пап, увидимся в воскресенье! – Ох уж эти несбыточные мечты. Он точно заявится сюда до воскресного семейного обеда, а то и не один раз.

Он рассеянно махнул рукой, и в следующую секунду его уже и след простыл. Когда за отцом захлопнулась дверь, я глубоко вдохнул и выдохнул. словно во время его визита я задерживал воздух. И только теперь смог свободно дышать. Мне становилось все трудней держаться, когда папа общался со мной так. Во мне несколько месяцев все копилось, и мне начало казаться, что я скоро взорвусь. И этого нужно избежать любой ценой.

8. Лив

После вечеринки и катастрофической встречи с друзьями настала длинная череда дней, когда я не видела Уилла. Я забила в уголок в доме Бабули Жу-Жу, чтобы зализывать раны, помогала ей на кухне и с животными.

Днем я показывала Бьёрну окрестности. Ключевое слово – окрестности, то есть места за пределами Сент-Эндрюса: так было безопасней. Мы гуляли по различным природным заповедникам, купались в прохладном море или сплавлялись на каяках в заливе Пассамакуоди, но делала я это скрепя сердце. Мне хоть и нравились восхитительная природа и родная атмосфера, но мыслями я была где-то далеко, тревожная и отстраненная.

У нас с Бьёрном не было секса с тех пор, как он сюда приехал. Это не давало мне покоя, потому что раньше у нас не было проблем в постели. И я уже не могла списывать это на то, что он жил в хостеле с картонными стенами, а я у бабушки. С тех пор как я вернулась в Сент-Эндрюс, я просто не могла быть с Бьёрном. Но дело было не в нем. Я просто не могла ни на чем сосредоточиться. Даже медитации забросила, хотя они много лет были моим утренним ритуалом.

Меня одолело нервное напряжение. Кончики пальцев покалывало, и это ощущение вот-вот грозило заполнить все тело. Я с надеждой смотрела на каждый серебристый пикап, проезжавший мимо. Каждый раз, когда я видела вдалеке каштановые волосы или слышала теплый смех, мое сердце замирало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.